

ПАВЕЛ ГОРБАЧЕВ

Дневники черного копателя. Часть II

МОИ 6 СЕЗОНОВ.
ЭПИЗОДЫ 2006–2007

Павел Горбачев

**Дневники черного копателя.
Часть II. Мои 6 сезонов.
Эпизоды 2006—2007**

«Издательские решения»

Горбачев П.

Дневники черного копателя. Часть II. Мои 6 сезонов. Эпизоды 2006 —2007 / П. Горбачев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749066-9

«Не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех их» (Еккл. IX, 11).

ISBN 978-5-44-749066-9

© Горбачев П.
© Издательские решения

Содержание

2006: Майские каникулы в Шоптово	6
Белоруссия	27
Некрасовский фарт	38
Аэродром Питомник	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Дневники черного копателя. Часть II Мои 6 сезонов. Эпизоды 2006—2007

Павел Горбачев

Редактор Елизавета Горбачева

© Павел Горбачев, 2018

ISBN 978-5-4474-9066-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2006: Майские каникулы в Шоптово

Первая моя настоящая фрилансерская зима прошла необычно. Не имея необходимости каждый будний день вставать утром, я приобрел привычку просыпаться все позже и позже, пока окончательно не поменял день на ночь. Днем я спал, а ночью сидел в Интернете, разыскивая нужную информацию, готовил статьи. Такая смена режима очень сильно действовала на психику, ведь я практически не видел дневного света. Выйти из такой ловушки оказалось очень сложно, но спустя примерно месяц все возвращалось на свои места. Затем следовал непродолжительный период обычной жизни с правильным режимом, после чего все повторялось. Лишь изредка я заставлял себя не засыпать под утро, чтобы все-таки притти в редакцию за гонорарами: бухгалтерии такие фокусы были неведомы, они выдавали зарплату только в рабочее время. Когда я приходил к своим работодателям весь заторможенный с красными глазами, они одобрительно подмигивали мне, хлопали по плечу и ехидно смеялись за спиной. И постепенно прекращали со мной сотрудничество, присылая каждый месяц все меньше заданий. Гораздо позже я понял, что они подозревали во мне наркомана, который курит опиаты или «торчит» на каких-нибудь таблетках. Это никак не соответствовало действительности.

Потеряв так пару контактов, я осознал необходимость поиска новых. Так я начал сотрудничать с корпоративными бизнес-изданиями, которые в тот момент только-только готовили к печати первые номера. Необходимость ездить к спикерам для записи интервью и написания большого объема статей заставила меня взять себя в руки и снова выработать правильный режим дня. Только лишь ближе к весне я снова обнаружил себя в ясном сознании и в нормальном ритме жизни. После равноденствия 20 марта, когда световой день стал наступать на тьму, я окончательно вернулся к обычному своему состоянию и начал снова интересоваться копанием.

Вплоть до первых майских праздников я наверстывал упущенные возможности, готовил статьи и поддерживал контакты в журналах. Несмотря на свободный график, моя внештатная работа занимала не менее 8 часов в день, а иногда и больше. Когда впереди замаячили длинные выходные, то передо мной встал вопрос о том, как их провести?

Сергея планировал провести все это время на даче, где было много всякой бытовой работы. Тогда я позвонил Стасу и поинтересовался его планами. Он ничего вразумительного ответить не смог, однако заявил, что может в любой момент найти себе компанию по душе, потому что у него много друзей и знакомых. Ни о чем с ним не договорившись, я положил трубку и стал размышлять о своей судьбе. Но мои тягостные раздумья были прерваны звонком Саши. В своем обычном приподнятом настроении он сообщил, что планирует ехать в Шоптово на вторые майские праздники. Я отвечал, что это неплохая идея, потому что там есть много занятных мест, где весной шансы найти что-то интересное гораздо выше, чем в любое другое время года. Саша предложил мне поехать с ним за компанию, раз уж никаких твердых планов у меня на то время нет. Недолго думая, я согласился, и с этого момента в мою жизнь окончательно вернулись определенность и драйв. В этот момент я понял, что иметь ясные ориентиры в жизни и позитивный настрой — это очень важно.

Спустя какое-то время мне перезвонил Стас и пригласил в гости, чтобы показать свое последнее приобретение — новую видеокамеру! Я ожидал, что он будет хвастаться какой-нибудь крутой моделью, но увидел маленькую недорогую камеру формата miniDV. Она записывала видео на кассеты, которые в дальнейшем при передаче изображения на компьютер можно проигрывать в реальном времени. Как мне рассказал Стас, он давно хотел запечатлеть

свои путешествия на видео, но все никак не решался выбрать камеру. Мы попробовали что-то снять у него дома, изобразили бытовые сценки и тут же принялись смотреть это на маленьком экранчике. Было очень непривычно видеть себя со стороны, и все время казалось, что и ты сам на себя не похож, и голос твой звучит как-то убого. В общем, видеокамера доставила нам массу удовольствия. За чашкой чая я рассказал Стасу, что в мае снова собираюсь поехать с Сашей в Шоптово. Тут он насел на меня и принялся упрашивать, чтобы мы взяли его с собой. Стас обещал, что он закупит еды и водки, что он даже приобретет собственный металлоискатель! Таким образом, уговаривал он, у каждого будет прибор, и мы сможем найти больше. Поддавшись таким аргументам, я согласился переговорить с Сашей о том, чтобы Стас поехал с нами. В качестве условия с моей стороны было выставлено требование взять с собой в Шоптово и эту новенькую видеокамеру, на которую я бы смог впервые снять наши копательские похождения и посмотреть на все это безобразие со стороны. Стас все это обещал сделать.

При следующем разговоре с Сашей я замолвил за Стаса словечко. Саша некоторое время упирался, придумывал аргументы против того, чтобы в машине, помимо нас, ехал еще один человек.

– Понимаешь, для нас двоих и наших вещей в машине места хватит, – говорил он, – но на третьего человека и на его рюкзак грузоподъемность «Гольфа» просто не рассчитана. У меня ведь амортизаторы латанные-перелатанные, если на кочке из-за перевеса отвалится колесо, то мы улетим с трассы.

Но я просил Сашу принять во внимание, что Стас небольшого роста и весит совсем мало, что он за это возьмет побольше еды и водки. Водка, естественно, пригодилась бы не только для подпаивания Гены, но и для вечерних возлияний. В конце концов, Саша согласился с тем, чтобы Стас составил нам компанию.

О результатах переговоров я сообщил Стасу в тот же день, и спустя еще пару дней были назначены даты поездки. Мы должны были уехать в Шоптово 4 мая и вернуться обратно 10 числа, на следующий день после празднования Дня Победы.

Следуя своим обещаниям, Стас поехал и купил себе металлоискатель российского производства, чем очень обрадовал меня. Два года размышлений и взвешиваний за и против понадобилось ему, чтобы все-таки решиться на приобретение собственного прибора. Наконец-то теперь никто не будет у меня выхватывать металлоискатель! Однако же стандартную полноразмерную лопату Fiskars с оранжевой ручкой Стас так и не кпил, предпочитая носить с собой ту самую маленькую саперную лопатку, которую я ему одолжил во время нашего первого похода.

Как и было условлено, мы приехали втроем в Шоптово 4 мая. К нашему с Сашей удивлению, грунтовую дорогу от Тархово к Шоптово немного отремонтировали, отсыпав песком и гравием. Затем по ней прошел грейдер и выровнял все ямы. Мы ехали и совершенно не узнавали ее. Как позднее рассказал нам Гена, дорогу отремонтировали местные власти перед выборами в законодательное собрание Тверской области еще в декабре 2005 года.

Мы подруили к дому, так хорошо знакомому по осенним заездам. К моему удивлению, внутри дома по стенам были развешаны всякие новогодние гирлянды, простые елочные игрушки. На стеклах были наклеены вырезанные из бумаги снежинки.

– Новый год тут справляли, – улыбнулся Гена, увидев, как я удивился этой картине.

– Так май уже наступил, – я осматривался по сторонам.

– Тут никто не живет, – отозвался Гена, который пошел за вещами к машине, – может, и мы отсюда скоро уедем, – вдруг серьезно сказал он.

Мы с Сашей разместились на своих привычных местах, а Стасу осталось довольствоваться железной кроватью с панцирной сеткой, которая ранее нам служила местом складирования бытовых вещей, плитки и грязной одежды. Стас положил на эту кровать свой туристический коврик-пенку и прилег на него.

– Подходит, – заявил он, – и стал разбирать свои вещи.

Устроив ужин и разлив водку по случаю приезда и встречи, мы все вчетвером стали обсуждать будущие маршруты. Стас не стеснялся среди малознакомых людей, он быстро установил контакт с Сашей и с Геной и вот уже под третью рюмку усиленно допытывался у них про находки и про историю этих мест.

В отличие от прошлых выездов, в руках у меня была черно-белая ксерокопия карты боевых действий, которую Сашины коллеги-«деды» раздобыли через военкомат в архиве. Саша упросил «дедов» дать ему оригинал карты на время, быстро сделал с нее цветную ксерокопию. Отдав «дедам» оригинал, он дал мне задание сделать черно-белую копию с его цветной. Вот таким окружным путем мне досталась эта карта со всей необходимой для поисков информацией. Правда, я не успел как следует изучить ее и разработать план походов. Поэтому мы все вместе смотрели на нее и спрашивали у Гены совета.

– Да можно пойти на Гриву, под Карское, – перечислял Гена места, – еще на Тагощу и к Соино. На Староселье вы уже были, а в остальных местах как следует не ходили.

– На Староселье делать нечего, – Саша сказал, как отрезал, – это близко и там вы уже все подняли. Надо идти подальше. Пойдем завтра на Гриву!

Гена мотнул головой, будучи не против пойти в любую сторону. Стас внимательно слушал наши разговоры, наливал себе водку и закусывал.

Пока мужчины допивали первую бутылку, я вышел из дома и поднялся по лестнице к чердаку дома, чтобы оттуда отправить sms. Мне нужно было написать маме, что мы благополучно добрались до места, а также ответить на сообщение от редактора одного из изданий, с которым я последнее время сотрудничал.

Когда я вернулся в дом, то Стас показывал остальным свою видеокамеру, держа ее в руках так, как будто она была из хрусталя. Он поснимал немного наш быт, сделал несколько кадров того, как Саша и Гена выпивают, потом передал камеру мне и попросил снять и его тоже. После этого он забрал камеру у меня, и мы стали смотреть, что же получилось. На маленьком экране мелькали лица забулдыг, одетых в странные мешковатые одежды, все это действие происходило на фоне старых наполовину облупившихся стен нежилого деревенского дома при тусклом освещении единственной маломощной лампочки. В общем, объективная картина была неприглядной.

– Побереги аккумулятор для завтрашних находок! – Саша с улыбкой откинулся на стенку, закуривая сигарету. Он был доволен, увидев себя на экране. Я же попросил Стаса дать мне завтра камеру с таким расчетом, чтобы я снял наш поход как можно более информативно: как мы идем по дороге, выходим в лес, начинаем работать с металлоискателями, копаем и что-то находим. У меня возникла идея сделать маленький документальный фильм. Вообще-то я давно мечтал что-нибудь снять, но отсутствие видеокамеры было единственной помехой на пути к попытке творчества.

«Это будет мой первый опыт съемок, дебют», – так думал я о завтрашнем дне, засыпая в спальнике.

Теперь оба моих увлечения, к которым лежала душа, наконец, сольются воедино!

На следующий день Саша с Геной, неожиданно для нас со Стасом отказавшись от завтрака, помчались за Лучесу. Пропустить завтрак – это было немыслимо, потому что ходить натошак до обеда просто неразумно.

– Не хочу я есть, – как-то загадочно повторял Саша, и они с Геной ушли, обещав быть на виду.

– Как пройдете по улице до кладбища, спускайтесь вниз к реке и переходите на другой берег, – объяснял Гена нам, как добраться до места, – на пригорке и будем. Я там монеты набил без прибора, вот мы это все с Сашкиным металлоискателем докопаем.

И они ушли. Мы со Стасом, воспользовавшись таким поворотом, не спеша пообедали, медленно собрали в рюкзаки запас продуктов для обеда и, на всякий случай, для ужина. Перед выходом из дома я тут же напомнил Стасу о его обещании дать мне видеокамеру, и первые кадры делал уже в тот момент, когда мы вышли на самую высокую точку на деревенском берегу Лучесы.

Деревня весной выглядела просто сказочно! Везде были первые ростки свежей зеленой травы. Прошлогодня трава лежала на земле пластом, и ее можно было легко сдвинуть ногой. Солнце то появлялось из-за облаков, то снова выглядывало. Погода обещала сухой день. Мы прошли по деревне и смогли насладиться извилистым берегом Лучесы и холмами за ней.

Где-то там, вдаль на пригорке, копали двое. Саша стоял над раскопом, держа в руках металлоискатель, и указывал им точку, а Гена стоял по колено в раскопе и расковыривал лопатой отвалы. Засняв на максимальном приближении эту картину, я стал догонять Стаса. А тот уже наполовину прошел Лучесу вброд в своих новых резиновых сапогах. Поскольку у меня резиновой обуви не было, то пришлось разуваться и, закатав штаны выше колена, переходить вот так реку.

Стас быстро дошел до Саши с Геной и завел с ними разговор.

– Советские монеты, гильзы, пуговицы, – услышал я, как Саша перечислял свои скромные находки, подходя к ним. По лицу Саши было видно, что он уже успел получить порцию позитива от начала копания, но сам результат в виде таких незамысловатых находок его не особо радовал.

Расчехлив приборы, мы со Стасом также принялись ходить по пригорку. В этом месте старую траву уже сожгли, и сквозь угольки к солнцу пробиралась свежая зелень. На этом месте мы ничего существенного не нашли; Стас пытался разобраться с настройками своего металлоискателя и радовался каждой пустячной находке, как новичок.

Когда всем копаться в этом месте надоело, то Гена повел нас в сторону бывшей деревни Грива. Там тоже было пусто, хотя периодически нам попадались ржавые остатки от артиллерийских гильз крупного калибра. В три прибора мы прошли по плато, доминировавшему над округой, но никому ничего стоящего не попало. Тогда мы решили зайти в ближайший лес и по нему сделать петлю, пройдя в обратную сторону к Шоптово. В лесу не было позиций, даже не за что было зацепиться. Вскоре Гене пришлось объясняться с Сашей, который начал уже показывать недовольство отсутствием находок. Мы уже почти сделали полный круг и вышли обратно к тому пригорку, с которого начинали. Тут я решил в одиночку пройти в сторону поля с выжженной травой. Не успел я подойти к окаймлявшей его роще деревьев, как увидел на ветке одного из стволов висящую ржавую железку. С одного конца у нее был некий набалдашник, отдаленно напоминавший надульник от СВТ. Я подошел ближе и понял – это и есть ствол от СВТ. Но он был очень сильно ржавый, слегка погнутый, и у него не хватало каких-то деталей. Остальные увидели, что я замешкался с какой-то железкой, и устремились к этому полю. Поскольку незаметно подступило время обеда, то было решено сделать тут на живописном поле привал, а заодно и спокойно походить по нему.

Я принялся разжигать костер, а Стас подготовил котелок для варки гречневой каши. Тем временем Саша с Геной умотали куда-то в ложину и как-то подозрительно там затихли. Оста-

вив Стаса следить за гречкой, я пошел к ним. Подойдя ближе, я увидел знакомую картину: Саша уже вскрывает топором найденную немецкую противотанковую мину.

– Неплохая находка, – говорю им, – опять забереешь все?

– Да, не оставлять же, – отвечает Саша и, постукивая обухом по корпусу мины, ссыпает куски тола в полиэтиленовый пакет.

Что ж, место оказалось не пустым, и, значит, после еды нужно здесь поработать неспеша. Возвратившись к Стасу, я бросил в котелок с уже готовой гречкой тушенку и позвал Гену с Сашей на обед.

Быстро съели все, что было, на скорую руку заварили чай и выпили. Гена и Саша теперь сидели у костра и отдыхали, а мы со Стасом разбрелись по полю в разные стороны. Так прошел примерно час, и он принес мне в качестве находки маленькую чугунную гирьку. Она была небольшого веса, но довольно сносно сохранна, поэтому я решил ее не выбрасывать. Стасу не попалось ничего ценного, и мы, вернувшись к костру, стали снова думать о том, куда идти. Гена предложил походить возле Лучесы на противоположном от деревни берегу. Поскольку мы с Сашей там уже копали и ничего не нашли, то стали возражать. А Стас, которому не терпелось использовать свой прибор, упросил нас туда сходить. Делать нечего, а вдруг что-то найдем?

По дороге Саша вспомнил, что несколько лет назад примерно в этом же месте один его товарищ нашел непонятную тонкую жестянку в форме полумесяца. У нее с одного конца была еще на заклепке пристегнута фигурная цепочка.

– Я потом смотрел в одной книжке военные фотографии, – продолжал Саша, – и узнал эту штуковину. Это был точно горжет фельджандармерии. А тот дурачок взял и выкинул его в кусты, примерно вон туда, – и Саша ткнул черенком лопаты в густорастущие заросли, раскинувшиеся на лугу в низине.

Мы со Стасом бросились исследовать все кусты в том месте, энтузиазма было хоть отбавляй. Саша с Геной присели неподалеку и только наблюдали за нашими стараниями. Но, при этом, сами не выражали желания присоединиться к нам.

Наконец, когда я понял, что достоверность этой байки может быть подвергнута сомнению, то бросил там ходить с прибором. А Стас все крутился, пытался копать все сигналы подряд. Когда силы оставили его, то он пришел к нам и сообщил, что место зачищено, и теперь про эту историю можно забыть.

– А может, и не в эти кусты он его забросил, – задумчиво буркнул Саша, – короче, мораль сей басни такова: если что нашел – забирай сразу, выкинуть потом всегда успеешь.

Мы еще сходили для порядка на поле к Староселью, показали Стасу место падения самолета. Он там тоже вдохновенно начал копать и в результате тоже набрал кучу дюралевых обломков непонятного предназначения.

По разыгравшемуся у всех аппетиту мы поняли, что наступил вечер, и решили не ждать заката, а сразу пойти домой. День был потрачен на пустые поиски, и лучшей стратегией его завершения будет усиленный отдых. На следующий день мы вместе решили уйти подальше от деревни. Такой точкой для нас было урочище Соино, как называл его Гена. А по карте, с которой я теперь сверялся по нескольку раз в день, оно называлось Малое Соино, причем где-то рядом было еще и Большое Соино, а также деревни Белоусова, Федоровка и село Александровское. Ни один из этих населенных пунктов из них до наших дней не сохранился...

В этот день мы вышли пораньше, поскольку прекрасная погода обещала хорошее настроение. Когда мы проходили Толкачи, я решил снова взглянуть на карту. Каково же было мое удивление, когда я там увидел справа от Толкачей обозначение артиллерийского орудия. Оно

было отмечено как раз там, где я наткнулся в лесу на станину от взорванной немецкой гаубицы. Поразившись точности этой карты, я стал внимательнее изучать символы. Оказалось, что всяких закорючек и знаков там великое множество, только на черно-белом ксероксе с цветного ксерокса не все они оказались хорошо различимы. Вот мы дошли до поляны в урочище Соино. Сюрпризом был толстый слой лежащей на земле травы. Недолго думая, мы подожгли сухую траву, а сами пошли по дороге дальше в лес, чтобы вечером пройти тут снова и отработать с металлоискателями зачищенное от травы поле. Буквально за десять минут огонь охватил все поле, дым от горящей травы поднимался высоко. Картина напоминала последствия боевых действий, огонь и дым принесли в эти забытые Богом места немного жизни. Мы не боялись, что огонь перекинется на лес и запустит верховой пожар: лес после затяжной зимы был еще достаточно мокрым, земля хорошо держала влагу, и кое-где на северных склонах оврагов до сих пор держались последние островки снега. Мы вышли к речке Тагоще и пошли вдоль нее в сторону одноименного урочища.

Некогда полноводная Тагоща, как мы видели, давно уж превратилась в средний ручей. Мы иногда выходили на островки посреди русла и прямо там находили лежавшие по верхам чугунные котелки, железные сковороды, ржавые петли от деревенских дверей. В одном месте я нашел вросший прямо в стенку берега немецкий противогаз. Стас чуть подальше нашел прямо в реке сгнивший противогазный бачок. Это были уже находки-маркеры, по которым можно было определить богатые на военное железо места. Все сразу забыли о спешке и принялись «пылесосить» площади, а я взял видеокамеру и стал фиксировать все, что видел. Так мы ходили примерно полтора часа – стандартное время для того, чтобы найти все, что плохо лежит. Но тут больше ничего не лежало, и мы прошли по руслу чуть ниже. Когда я заметил большой сухой овраг с молодой крапивой, оккупировавшей его, то предложил товарищам проверить этот примыкающий к берегу овраг. Мне сразу вспомнили фотографии со сталинградского форума, где копатели находили в овражных блиндажах множество всяких интересных вещей. К счастью, в этом овраге тоже были ямы, напоминавшие блиндажи или землянки. Стас и Саша наперегонки побежали осматривать с металлоискателями их брустверы и места у входа, а я с Геной пошел прямо посередине оврага. Одну за другой я выкопал там две ржавые немецкие каски. Увы, но именно середина оврага, в которой все время скапливалась вода, сгубила эти каски. Достав их из земли, я, как дискбол, стал метать их в сторону Стаса и Саши, заранее зная, что каски до них не долетят. Как только каски падали на землю, они буквально рассыпались в прах... Так у нас пошел драйв, и Саша отрыл по верху оврага две гранаты: советскую РГД-33 и немецкую М24. Металл у обоих сохранился чисто символически, но такое результативное копанье уже само по себе приносило удовольствие. Пока Стас пытался определить, что же за сигнал попался ему прямо в одном из блиндажей, мы с Геной нашли и стали выкапывать патроны от советского противотанкового ружья. Они лежали плотными рядами, их сохран был неплохим.

– Тут была брезентовая сумка с патронами, – предположил Гена, – ткань сгнила, а патроны остались лежать плотно уложенными.

Он был прав, и один за другим мы вытащили из этой ямки почти два десятка патронов. Был ли тут склад боеприпасов, или здесь держали оборону советские бронебойщики? Никаких других артефактов мы больше с Геной не нашли. Набрав полные карманы патронов, мы решили «побабахать» ими на 9 мая, устроить в деревне небольшой салют в честь досточтимого праздника.

Стас так ничего не нашел в яме, поэтому его жажда находок была не утолена. Он выбрался из оврага и стал ходить по верхам. Постепенно мы все покинули овраг, удостоверившись, что все места зачистили. Сделав круг, мы по лесу подошли обратно к Соино. Трава

на поле почти полностью выгорела, лишь кое-где оставались догорать маленькие островки. Мы все вышли на поле и стали тушить их. После этого настало время легкой прогулки с металлоискателем. Долго мы там ходили, но все время натыкались на очень старые ямки, следы деятельности наших конкурентов в прежние времена. Конечно, на таком приметном месте копать будут в первую очередь. Тогда мы пошли к дороге, перешли ее и решили исследовать лес, примыкавший, согласно карте, к урочищу Карское, как называл его Гена. На карте 1942 года это место было обозначено как деревня Карская.

Я то и дело останавливался, чтобы снимать на видеокамеру наши переходы по лесу, процесс копания, диалоги товарищей и мало-мальски ценные находки. Так постепенно сложилось, что Гена ходил за Сашей с лопатой и выкапывал то, что он назвонил, Стас ходил сам по себе. Каждый нашел свою волну, работал в удобном ему темпе. Никто никого не отвлекал, никто никому не мешал.

На моих глазах Стас зашел на залитую водой полянку и вытащил из черной глины алюминиевую крышку от советского котелка. Она была в зеленой краске, почти не использованная. На крышке снаружи было клеймо «Красный Выборжец, 1938 год». Стас очень обрадовался, стал отмывать ее от грязи. Это была находка из той серии, которые он мечтал найти. После этого он поблизости от этого места выкопал пару гранат РГД-33, остатки противогАЗа и большие гильзы от пушки.

Саше, который копался метрах в пятидесяти от Стаса, досталась другая интересная штука – латунный рожок для подачи сигналов! Правда, он был смят, сплюснен и покорежен. Саша оттер те места, до которых можно было добраться, и мы увидели слабо просматриваемое клеймо с надписями на немецком языке. У рожка были два латунных кольца для крепления к подвесу. Такие рожки были скорее символическими, нежели практическими предметами, их хранили при подразделениях и использовали для торжественных построений. Значит, тут советские и немецкие вещи перемешались в кучу, и у нас есть шанс найти здесь больше интересных вещей. Я присоединился к Саше и Гене, и мы стали ходить по небольшому оврагу, примыкавшему к этой полянке. Через полчаса к нам приходит Стас, чтобы поинтересоваться успехами. Мы ничем похвастаться не могли, зато Стас с напускной скукой в голосе сообщил, что нашел жетон.

– Вот тут, недалеко, – зевая, рассказывал он нам подробности, – рядом больше ничего не было.

– Покажи жетон-то, – взревели мы с Сашей, – хватит нас мучить!

Стас снял рюкзак медленно, поставил его на землю, стал открывать верхний клапан. Оттуда он достал полиэтиленовый пакет, в котором и лежал жетон. Вот как успел упаковать находку!

– Целенький, алюминиевый, – улыбался Стас, протягивая нам жетон.

Это был жетон подразделения Panzerabwehr-Abteilung 186, то есть «186 отделение противотанковой защиты». Все пазлы уже складывались в единую картину: этот жетон немецкого противотанкиста, катки от разбитых танков Т-34, поляна с уничтоженными советскими танками. Это были приметы большого сражения, когда советские войска пытались прорвать в этом районе линию фронта, и им противостояли специально обученные истребители танков с немецкой стороны. Можно себе представить, какая ожесточенная мясорубка тут была! Что ж, это именно то место, которое мы так долго искали.

Гена во всех наших походах ходил вообще налегке, он не носил с собой рюкзака или сумки. Лишь изредка он что-то брал себе из находок. В основном его интересовали патроны

для винтовки Мосина. Как только мы находили их, он тут же принимался сортировать их по степени сохранности. Патроны с ржавыми пулями он сразу выбрасывал. Более целые он откладывал, после чего начинал трясти их у уха, стараясь услышать, шуршит ли порох внутри? Если шуршит, то это шанс, что порох остался сухим, хотя надежд на это после шестидесяти лет лежания патронов в земле было крайне мало. Тем не менее, Гена постоянно этим занимался – значит, знал, что делал. Но свою винтовку он нам так и не показал, лишь призрачно намекал, что она у него имеется...

Стас ушел один в заросли травы на довольно мокром месте. Это была поляна с очень мягким и рыхлым грунтом почти черного цвета. Там он ходил с металлоискателем непродолжительное время, после чего вышел один с пустыми руками.

– Пашка, пойдем со мной, – загадочно улыбнулся он, – я там какую-то штуку интересную нашел.

Мы пошли к месту раскопа. На совсем неприметном пятачке лежала слегка мятая прямоугольная алюминиевая пластина. Стас подошел к яме и продолжил копать. На свет влезла еще одна такая же пластинка, потом пластинка побольше. Наконец, он достал еще какие-то алюминиевые детали, наподобие проволоки или тяг. Стас стал очищать все эти запчасти от земли, а я позвал Сашу и Гену. Когда все собрались, Саша взял в руки эти детали и стал их сопоставлять друг с другом.

– Похоже на какую-то печку, что ли, – мурчал Саша себе под нос еле слышно, – вот тут какие-то буквы на латинице.

Он передал эту деталь мне, и я увидел там буквы FL. U.V., рядом с ними еще маленькое клеймо с изображением немецкого орла, державшего в когтях свастику. Судя по форме крыльев, это был орел Люфтваффе.

Стас взял у меня эту деталь, стал прикладывать к другим, и у него получился алюминиевый прямоугольник. Дно у него с перфорацией, а крышка была с круглой насадкой в виде лючка. Сверху был еще крюк, за который эту вещь, по всей видимости, можно было повесить куда-нибудь.

– Так это лампа! – воскликнул Саша, – люфтовая лампа, там еще должна быть пружина, в которую вставляли свечку. Он немного поправил погнутые стойки, и в самом деле получилась лампа с дверцей. Не хватало только стекла, но их всегда можно было вставить.

Мы поздравили Стаса с такой небанальной находкой, он убрал ее подальше, и мы продолжили копать.

Я пошел по этой полянке дальше в чашу, аккуратно ступая по мягкому и влажному грунту, и махал металлоискателем из стороны в сторону. Совершенно случайно я зацепил в самой крайней точке маха какой-то сигнал и стал там копать. Сначала из земли стали вылезать немецкие патроны, потом показались ржавые куски от корпуса немецкой гранаты M24. Я достал все это из-под земли, но в яме был еще сигнал. Пошуровав в рыхлом грунте лопатой, я наткнулся на алюминиевый предмет. Я уже было решил, что это части такой же лампы, но, по мере появления предмета из земли, его очертания показались мне более плавными. Это был целый немецкий жетон!

Наклонившись, я достал его из ямы руками, протер перчаткой и увидел такую шифровку: 3./Infanterie-Ersatz-Bataillon 216, личный номер 187. Это был жетон солдата из 3-й роты 216-го запасного пехотного батальона. Позже я установил, что солдаты из этого подразделения были набраны в 86-ю пехотную дивизию вермахта. В нее же входило и отделение противотанковой защиты 186, жетон солдата которого откопал Стас. На карте боев, в самом деле, напротив советских войск была отмечена немецкая 86 пд. Все пазлы складывались в единую картину:

эти жетоны пехотинца и противотанкиста, катки от разбитых танков Т-34, поляна с уничтоженными советскими танками. Это были приметы большого сражения, когда советские войска пытались прорвать в этом районе линию фронта, и им противостояли специально обученные истребители танков с немецкой стороны. Можно себе представить, какая ожесточенная мясорубка тут была. Что ж, это именно то место, какое мы так долго искали.

Но вернемся к яме. Такой набор предметов в одном месте явно говорил в пользу того, что вместе с патронами, гранатой и жетоном должен быть и сам владелец этого имущества. Я сгреб верхний слой земли и стал перекапывать площадь метр на два метр. Если тут есть кости, то я их обязательно зацеплю. Хоть ребро, хоть берцовую – но что-то обязательно попадет. Однако ничего тут не было. Я прокопал чуть поглубже, но и там была только земля. Я отложил все находки подальше и прошел по пяточку с металлоискателем: никаких сигналов тут больше не было. А где пуговицы, крючки от кителя?

Был ли тут рукопашный бой, и погибшие остались лежать на земле? Но где тогда кости, почему их нет? Не могли же дикие звери растащить их настолько далеко друг от друга, чтобы не осталось в земле ни одной кости? А может, павших бойцов с обеих сторон потом похоронили по всем правилам? Но почему тогда не забрали с немцем и его жетон?

Впрочем, я уже знал из опыта прошлогоднего копания, что с телом в приличной могиле может и не быть жетона, как это было с тем самым гансом-пулеметчиком в лесу у Староселья.

Забрав жетон, я пошел еще глубже в чащу и через пять метров наткнулся на практически верховую советскую каску. Она была в том же ужасном сохране, что и корпус гранаты. Покрутившись рядом с этим местом еще примерно полчаса и не найдя больше ничего, я решил поискать остальных товарищей, чтобы рассказать им обо всем, что увидел и показать свои находки.

Саша просто обалдел от того, что мы со Стасом нашли такие интересные вещи, а ему самому достался только сплюснутый сигнальный рожок. И как бы мы со Стасом не пытались его убедить, что такой рожок – это редкая и интересная находка, он все равно продолжал жаловаться на якобы невезение. Это день, равномерно наполненный находками и интересным копанием, быстро подошел к концу. Мы пришли в дом уже затемно и отметили находки веселым ужином. Саша старался держаться бодро.

– Ничего, – говорил он, поднимая рюмку за общие находки, – завтра я всех вас еще обскачу!

Наутро мы снова пошли за Лучесу, Гена все нахваливал нам места между Гривой и Зяб-риками и говорил, что в прошлый раз мы просто не дошли до нормальных позиций, что в той стороне тоже были жестокие бои, и редко кто из приезжих те места навещает.

– Егерь только туда ездит, – говорил Гена, когда мы, перейдя через реку, шли вверх по пригорку, – он там сеет овес для кабанов. Это далеко для местных.

Как только мы дошли до места, то начался мелкий дождь. На небе стало пасмурно, как-то даже потемнело. По опыту я уже знал, что у влажной земли проводимость электромагнитных полей лучше, и это будет только нам на руку. Мы разошлись в разные стороны и начали работать. Место оказалось сильно замусоренным хвостовиками от мин и осколками снарядов. Не исключено, что среди всего этого можно было найти и ценные мелкие предметы, но никому этого сделать не удалось. Помучавшись так с пару часов, прилично намокнув и устав, мы решили поискать другие варианты.

– Если есть что-то, то обычно находишь сразу, – Саша не скрывал разочарования, – нам уже не нужно что-то сверх ценное, но хоть бы было интересно копать. А так ходишь, как вымоченный, и копаешь ерунду, да лучше бы снова пошли под Карское!

Кое-как разожгли костер, сварили макароны с тушенкой, выпили чая. Тут и дождь перестал, и даже солнце стало проглядывать. Сидеть без дела было неудобно, и мы поработали на этом месте примерно час. За это время ветер подсушил траву, погода совсем исправилась, и даже стало немного припекать.

– Сегодня хочу в баню сходить, – как-то задумчиво произнес Гена, – воскресенье ведь. Давайте сходим все вместе? – предложил он нам.

Я никогда не был в деревенской бане, и в мои планы не входило ее посещение. Я всегда считал себя сугубо городским человеком, привык к своей белоснежной ванной. При слове «баня» у меня возникали ассоциации с неустроенной жизнью и отсутствием городских удобств. В самом деле, ну нельзя же каждый день ходить в баню? А вот принимать ванну и душ каждый день можно. Придерживаясь такого хода мыслей, я отказался идти в баню.

– У меня сердце, баня противопоказана, – говорил Саша, – а вы сходите, конечно!

Я продолжал упорно отказываться, кроме того, у меня не было банных полотенец, тапочек, шампуня, мыла, мочалки и всего того, с чем принято ходить в баню.

– А может и правда, сходить? – Стас сделал задумчивое лицо, отчего Гена просто просиял.

– Да, затопим баньку, полотенце я дам, – Гена засуетился, стал оживленным. Раньше я никогда не видел его в таком состоянии.

– Да, я пойду, – после некоторого размышления сказал Стас.

И они пошли вдвоем, а мы остались еще покопать в этих местах. Когда Гена и Стас уходили, солнце светило ярко, еще не приближаясь к закату. Лучи высвечивали их дорогу к деревне, где-то далеко за пригорками и речкой виднелись крыши Шоптово.

– Успехов вам, накопайте что-нибудь хорошее, – кричал уже издали Стас. Это было дежурное напутствие, в котором почти не звучала искренность. Если бы Стас чувствовал, что у нас есть хоть какой-то шанс найти какую-нибудь интересную штуку, он бы им непременно воспользовался, и никакой баней его нельзя было увлечь. А так он еще и забрал у меня видеокамеру – уж точно не верил в то, что нам улыбнется удача.

Проводив их взглядом, мы с Сашей стали просто ходить по площадям, обреченно размахивая металлоискателями. Так постепенно мы втянулись в процесс, настроились на какую-то особую волну и погрузились в транс. Я часто обращал внимание на то, что в некоторые моменты тело продолжает делать привычные действия, а голова освобождается от тягостных ожиданий находок, желаний что-то себе приобрести. В этот момент ни о чем не думаешь, не замечаешь хода времени и начинаешь ощущать единство с окружающей природой. Так мы с Сашей ходили каждый сам по себе, почти не переговариваясь. Так прошло два или три часа, и нам уже надо было закругляться. Мы присели отдохнуть на упавшее дерево, Саша затянулся сигаретой.

– Сейчас Гена со Стасом сидят в бане, – произнес он мечтательно, – после бани водочку нальют. А что ты с ними не пошел?

– Так я не за этим сюда приехал, – отвечал я ему, – отдохнуть я могу и дома, а тут нужно выкапывать. Стас – халявщик, вот он и пошел.

С этим определением Саша согласился, снова посетовав на то, что этому халявщику вчера повезло сделать интересные находки, а ему, прожженному копателю, до сих пор в эту поездку так ничего и не досталось. Я выразил уверенность, что рано или поздно нам повезет, и просто не нужно опускать рук.

Отдохнув и немного восстановив силы, мы поднялись и медленно пошли в сторону деревни, не собираясь больше ходить здесь с металлоискателем. Стоило нам пройти так минут десять, как у меня снова буквально зачесались руки и я включил прибор.

– Все равно пока идем, вдруг что-то попадется по дороге, – пояснил я Саше, а тот ничего не ответил и продолжил нести на плече свой крутой аппарат.

Мы так шли, предвкушая хороший ужин и достойный отдых после выматывающего хождения. Проходя в одном узком месте по тропинке, мы заметили рядом в траве свежую бумажную салфетку, которую мог тут бросить только Стас. Он использовал их в качестве носового платка.

– Вот, сразу видно, что приезжали москвичи, – смеялся Саша.

Мне такое отношение показалось немного обидным, я обратил его внимание, что я тоже москвич, но вряд ли стал бы бросать мусор на землю и уж лучше бы оставил бумажку в кармане, чтобы сжечь ее в костре при случае, чем загадил природу.

Объясняясь так с Сашей, который явно не хотел меня обидеть и иногда мог сказать неприятные вещи, не желая того, я все так и продолжал размахивать металлоискателем. Вдруг он у меня сработал хорошим тоном. Мы остановились на тропинке. Справа были уже кусты, за которыми росли деревья, слева был спуск к голому длинному оврагу, который так и тянулся от леса почти до самого спуска в долину реки Лучесы.

Сигнал был слева от тропинки, буквально в самом склоне. Я остановился, чтобы проверить место, и приложил катушку прямо к земле. Что-то там было, причем звук был продолжительным. Саша стоял вполоборота, не придавая особого значения этому сигналу. Я воткнул лопату в землю, но ничего не зацепил. Сделав небольшую яму, стал проверять ее и отвалы. Детектор все так же показывал наличие большого количества металла прямо внизу. Я продолжил копать и еще на полштыка лопаты наткнулся на большой ровный лист, который лежал в земле параллельно склону.

Переглянувшись с Сашей, который уже внимательно наблюдал за моими стараниями, мы стали вдвоем обкапывать находку. Оказалось, что он довольно большого размера, при этом не мятый и не рваный. Освободив его со всех сторон, я попробовал поддеть его лопатой как рычагом, да не тут-то было.

– Стой! – крикнул Саша, – дай я покопаю.

Он обкопал его еще глубже по периметру, и мы увидели, что лист имеет характерные вдавленные ребра жесткости, а с одной стороны у него имеется ручка.

– Это крышка от ящика, – сказал Саша, – и попробовал снова поддеть ее лопатой.

Крышка лишь ненамного сдвинулась, обнажив нижнюю половину.

– Это целый ящик, – воскликнул Саша, – даже целый чемодан.

И действительно, судя по размерам, ящик был похож скорее на чемодан с ручкой, чем на какой-то сундук. Он был прямоугольной формы длиной почти полметра, полностью из металлических листов, сверху была проволочная ручка для переноски, одновременно служившая и замком. Я потянул за эту ручку, но вес ящика не дал мне легко вытащить его из ямы...

Постучав лопатой по нему, увидел сбоку дырку в слегка подгнившей боковой стороне. Приглядевшись в эту щель, я увидел, что там что-то лежит.

– Он полный! – кричу я Саше, – давай его вытаскивать и открывать!

Войдя в раж, мы за минуту аккуратно обкопали ящик и освободили его из земляного плена. Саша взял за ручку и потянул ящик вверх.

– Тяжеленный! – в неописуемом волнении крикнул Саша, я отступил в сторону, чтобы освободить ему ровную площадку. Ящик поддался, и тогда Саша, схватив его двумя руками, поднял и поставил на тропинку.

Перед нами стоял большой ящик, который еще пять минут назад невозможно было представить на этой тропинке. Мимо этого места огромное количество раз проходили местные и приезжие копатели, эта тропинка была единственным, по сути, маршрутом от реки к урочищу Гривы. Вот и Стас с Геной прошли здесь несколько часов назад, и Стасу даже в голову не пришло пройти по этой тропинке, размахивая своим новым мощным металлоискателем. Да что говорить, даже Саша не удосужился следовать своим твердым принципам и уже просто шел домой.

Мы начали открывать ящик, стараясь действовать осторожно, чтобы не повредить его. При более внимательном рассмотрении оказалось, что металл основательно подгнил. В каком же состоянии находится его содержимое? И вообще, что же там лежит?!

Я аккуратно отогнул замок, чтобы сохранить его, затем вставил лезвие своей лопаты в щель между половинками ящика и медленно начал давить. Саша в это время двумя руками держал «чемодан», чтобы он не раскрылся самопроизвольно. Медленно раскачивая лопату, я расширил щель со всех трех сторон. Когда ничего больше не мешало, мы положили ящик на землю и стали отгибать верхнюю крышку. Она, к нашему удивлению, легко поддалась, и мы буквально распахнули ящик.

Внутри была укладка для немецких гранат М24 с самими гранатами! Деревянные ручки отлично сохранились, и, поскольку ящик лежал под углом, влага внутри не скапливалась. Было видно, что он много раз намокал, дерево пропиталось ярко-рыжей ржавчиной. Мы вытащили одну из гранат из укладки и стали рассматривать, не веря своему счастью. На деревянной ручке были вдавленные клейма – год выпуска 1940 и клеймо производителя. Сами корпуса гранат были в темно-зеленой краске, без какого бы то ни было намека на ржавчину.

Мы вытащили укладку из ящика и аккуратно поставили вертикально. В ней были свободные места, из пятнадцати гранат в ящике было только девять. В укладке также была маленькая деревянная коробочка с капсуль-детонаторами.

– Вот это находняк! – Саша ликовал, он мигом избавился от хандры и обрел привычное приподнятое состояние, заметно повеселел, – а эти лохи пошли в баню! Нам с тобой везет, эти гранаты ждали только нас!

– Саша, забирай их все, – отвечал ему я, – криминал я себе не возьму.

В ответ он промолчал, но было видно, что Саша обрадовался перспективе получить весь ящик себе целиком.

– Мы тут не будем это все разбирать, – после эйфории к нему вернулась рассудительность, – дерево на сухом воздухе может быстро рассохнуться и треснуть. Надо это все целиком отнести в дом и там аккуратно разобрать, промазать гранаты машинным маслом или соляркой, чтобы законсервировать.

Мы аккуратно сложили укладку в ящик, закрыли «чемодан» и взвесили его. На мой взгляд, этот неполный ящик с гранатами весил примерно десять килограммов.

– Ах, эти ж замки, они хлипкие, – возмущался Саша, – пока буду нести – они отвалятся, что же делать?

Он попрыгал вокруг ящика, но тут же сообразил, как надо поступить. Саша достал из вещмешка моток какой-то веревки, размотал ее и перевязал ящик так, чтобы он случайно не раскрылся. После этого я взял у Саши его металлоискатель, вещмешок и лопату, а он взял этот «чемодан» с гранатами, и мы пошли домой, уже нигде более не останавливаясь.

Саше было тяжело нести этот груз, но и мне было не сладко тащить две лопаты, два рюкзака и два прибора. Однако я оторвался от него вперед, потому что мне идти быстрее было легче, чем сохранять медленную скорость Саши.

– Иди вперед, не жди меня, – крикнул мне Саша, – я потихоньку дотащу!

Так мы пошли к Шоптово. По пути нужно было подняться на горку и спуститься вниз. Саша, не желая тратить силы на подъем, предпочел обойти эту грядку, поэтому отстал от меня еще значительно. А я стоял на вершине этой горки и с расстояния в пятьдесят метров наблюдал, как плотный коренастый человек в военной форме и с кепи М43 на голове на фоне совершенно пустынной местности несет ну очевидно тяжелый и громоздкий чемодан, попеременно перекладывая его из руки в руку. Эта картина мне чем-то напомнила кадры из видеоклипа группы *Dereche Mode* на песню *Enjoy the Silence*. Саша шел медленно, его взгляд был сосредоточен и спокоен. Он шел как победитель.

Я спустился с горки, перешел через реку и дошел до Шоптово, отдуваясь под тяжестью груза. Уже возле дома я взглянул на окна – оттуда на улицу смотрели Гена и Стас, переговариваясь друг с другом. Я решил не заходить в дом и дожидаться Сашу, тем более, что я сильно устал.

Когда Саша догнал меня, мы вместе вошли в дом и увидели совершенно удивленные глаза наших товарищей.

Гена и Стас уже успели выпить по рюмочке после бани, и в наше отсутствие, скорее всего, посмеивались над нами.

– С легким паром! – приветствовал их Саша и, войдя в комнату, поставил ящик с гранатами возле своей койки, – дайте попить.

– Что там у тебя? – наперебой стали его спрашивать любители бани и водки.

– Золото и бриллианты, – устало отмахивался он, незаметно подмигнув мне.

– Ну, правда, Саня, хорош прикалываться, – Гена был заинтригован.

– Сейчас мы узнаем, насколько хорошо вы знаете военную историю, – отвечал он им, – вот угадайте, что там?

Гена и Стас долго гадали, среди вариантов были патроны, мины, оружие, противогазы. Никто из них не угадал. Когда Саше уже надоел этот цирк, он все-таки раскрыл им тайну, сообщив правильный ответ.

Весь вечер был посвящен тому, что мы аккуратно разбирали гранаты, смахивали с укладки и ящика рыхлую ржавчину и перекладывали гранаты внутри газетой. Так Саша хотел добиться того, чтобы дерево теряло влагу постепенно, что, по его мнению, должно было предотвратить растрескивание его на отдельные волокна. Проведя все первоначальные процедуры по консервации находки, мы накрыли ее газетами и положили под окно в другой комнате. Потом мы смотрели на видеокамере все, что успели наснимать за предыдущие дни, а я ругал Стаса за то, что он не оставил мне видеокамеру. Вот бы были отличные кадры с извлечением ящика с гранатами из земли и эпизодом, где Саша тащил его один по долине Лучесы... Стас пообещал мне, что завтра он отдаст мне видеокамеру до конца похода, и я смогу снимать все, что мне захочется.

Рано утром мы, вместо того, чтобы готовить завтрак, занялись тем, что стали снова разбираться с гранатами. Саша открыл ящик и увидел, что деревянные рукоятки все-таки подсохли и, по его ощущениям, стали хрупкими. Теперь ему стало страшно пробовать доставать гранаты из укладки: а вдруг деревянные ручки сломаются? Саша очень не хотел, чтобы его прекрасные находки утратили свою ценность, а оставлять их так в укладке было нельзя. Он

тут же начал разгибать плоскогубцами стальные держатели укладки и бережно складывать гранаты в мягкий полиэтилен, поливая это все сверху машинным маслом.

При проведении этих процедур две деревянных ручки у гранат все-таки сломались, правда, эти две гранаты лежали на самом дне и больше остальных пострадали от действия влаги за шестьдесят лет. Поругавшись грязными матерными словами на всю эту ситуацию, Саша довел процесс до конца и отнес ставший уже непригодным «чемодан» с укладкой за сарай, чтобы у местных жителей и других копателей не возникло лишних вопросов. Тогда лишь мы начали завтракать и строить планы на день.

Нам предстояло пойти под Карское, чтобы еще раз исследовать место прорыва русских частей через немецкие позиции и тылы. Саша снова повел всю компанию к тому месту, где он нашел награды. И надо же было такому случиться, что Стас нашел на этих позициях еще один целый жетон! Этот жетон был сделан из цинка, он неплохо сохранился. Шифровка также показала принадлежность подразделения, в котором служил его владелец, к 86-й немецкой пехотной дивизии. Но самое интересное в этом жетоне было то, что в нем была аккуратная дырка от пули. Саша взял у Стаса жетон, внимательно изучил края пулевого отверстия с обеих сторон и сделал вывод, что пуля вошла в жетон с лицевой стороны в тот момент, когда жетон находился на человеке... Размер пулевого отверстия в жетоне строго соответствовал калибру 7,62 мм.

– Вряд ли это трехлинейная пуля, она обычно своим острым носом рвет все на своем пути на мелкие куски. Судя по ровным краям, это пуля была выпущена из ППШ, у патрона 7,62x25 тупоконечная пуля, а высокая начальная скорость пули приводит к тому, что она «шьет» все на своем пути, минимально деформируя пробиваемое препятствие, – Саша прочитал нам целую лекцию.

Мы с большим вниманием слушали его, поскольку в оружейной теме он был как рыба в воде. Походив для верности по этим многократно хоженным местам и не найдя там больше ничего интересного, мы пошли напрямик в сторону Карского. Я шел впереди, и мне выпала возможность первым увидеть на земле верховые немецкие саперные лопатки, противогазные бачки, советские каски и фильтры от русских противогазов. К нашему всеобщему сожалению, это все были предметы, выкопанные задолго до нас другими копателями и брошенные ими как ненужный хлам. Гена подтвердил, что заезжие копатели приезжают работать, прежде всего, в это место, и местные тоже постоянно здесь копают. Невзирая на такую популярность этих позиции, здесь все время находят что-нибудь стоящее.

– Железа тут очень много, – пояснял Гена, – все тут копают, а выбить никак не получается, а каждую весну как будто снова что-то появляется, будто подбрасывают, – смеялся он.

Как только остальные увидели первое верховое железо, так сразу ринулись ходить с металлоискателями. Стас старался отбиться от всех, чтобы никто ему не мешал. Саша, наоборот, внимательно следил за Стасом, и как только тот уходил с какого-то пятка, то Саша сразу же шел туда и проходил там, где Стас так и не прошел. Гена просто ходил рядом, подходя то ко мне, то к Стасу.

Всяких находок было много, но все они были уже нам не интересны. Штыки от трехлинейки и элементы немецкого снаряжения мы уже не считали за достойные предметы, но все равно забирали, чтобы не оставлять хлам. Я старался прибрать такие вещи себе, которые потом можно было бы отдать в школьный музей. Но откровенный хлам, найденный и не взятый другими копателями, я все-таки не брал, брезговал.

Где-то посреди бестолковых железок мне тоже удалось найти целый жетон, и тоже он был из цинка. Владелец жетона поступил в вермахт новичком во 2-ю роту 167 запасного пехотного батальона (шифровка – 2./ Inf. Ers. Btl 167). Позднее это подразделение пополнило ряды той же самой 86-й пехотной дивизии. Все найденные нами жетоны были из одной дивизии, все были целыми и лежали отдельно от костей. Я уже перестал всему этому удивляться и просто копал и складывал все интересные вещи в рюкзак. Ближе к обеду я настолько привык к плохому сохрану большинства предметов, что даже не стал забирать единственную найденную в тот день нами немецкую каску. На привале, пока варилась еда, я положил ее на сухостойный пенек и стал оттачивать на ней навыки ударов лопатой. Саша глядел на это как на варварство и лишнюю суету. Он не любил шума в лесу и громких звуков, но нам со Стасом понравилось бить лопатой по каске. А немецкая каска, хоть и основательно погнила, и металл ее истончился, все равно держалась до последнего. Когда я понял, что лопатой мне ее никак не изрубить и даже не помять, то бросил ее там же на месте эксперимента, втоптав в землю.

Саша был в своем репертуаре, и после обеда он выкопал два штыка с небольшими промежуточками между ними. Каждый раз он выражал полученное удовлетворение от находки и цокал языком.

– Вот, посмотри – обращался он к застигнутому врасплох Стасу, – ты здесь ходил же?

– Да, я там все проверил, – отвечал то, ничего не подозревая.

– Все, да не все, – жалобным тоном отвечал лицемерный Саша, – за тобой приходится подчищать, вот штык такой был прямо между твоих копок. Ямы-то свежие!

И Стас молчал, не желая подать вид, что это его как-то задевает. Саша, следуя за Стасом, после этого уже почти с каждой выкопанной вещью обращался к Стасу с такой же нервотрепкой и, таким образом, тешил свое самолюбие и получал садистское удовольствие. Правда, Стас через какое-то время догадался, что Саша пробует поставить его в один ряд с Геней, чтобы было над кем морально издеваться.

И Стас стал платить Саше той же монетой: найдя что-то стоящее, Стас тут же шел к Саше, как будто за консультацией, и когда тот с видом знатока объяснял тому происхождение и назначение предмета, а также благодушно хвалил Стаса свысока за неплохую находку, то Стас пояснял, что откопал это среди Сашиных ям. В общем, эти два человека друг друга стоили, и в чем-то они были как близнецы-братья.

Я же в такие игры с самоутверждением не играл, а просто шел вперед и, как правило, находил что-то интересное. Так я вырвался вперед всех и под елками нашел верховую переноску для двух штурмовых магазинов к немецкому пулемету, так называемую «переноску для кексов». Эти штурмовые магазины имели специфическую форму усеченного конуса с ребристой поверхностью, внешне похожие на известные кондитерские изделия. Рядом с переноской лежал один из таких «кексов», и когда я показал Саше эту находку, он тоже захотел себе такую, потому что до этого никогда таких вещей не видел и не находил. Постепенно наше копание превращалось в гонку честолюбий, и каждый в душе хотел найти такую же вещь, что и другие.

Вечером мы после ужина решили устроить долгожданный салют в честь 9 мая, хоть на дворе и было только 8-е число. Стас и Гена с большим воодушевлением приняли мое предложение заняться подготовкой костра для заброса туда патронов для ПТР, предварительно выпив по несколько рюмок водки. Я же взял в руки видеокамеру и принялся снимать «салют». Саша смотрел на нас как на юнцов и отказался заниматься всей этой ерундой.

Стас выкопал небольшую ямку прямо на деревенской дороге, насобирав туда хвороста, а Гена поджег его и положил сверху пару патронов. Мы все отбежали метров на два-

дцать от костра и стали ждать взрыва пороха. Ожидание было напряженным, ведь мы никогда не занимались подобными вещами и не предполагали, какой мощности будет взрыв. Но опытный Гена стоял спокойно, будучи уверенным, что ничего страшного не произойдет.

Хлопок от взрыва патрона от ПТР был не очень сильный. Но мы все явственно слышали, как после взрыва над нашими головами что-то пролетело с шелестящим звуком и глухо шлепнулось на дорогу. Мы присели и дождались взрыва второго патрона: и снова какие-то внушительного размера осколки полетели в разные стороны.

После этого я пошел посмотреть на то, что же упало рядом с нами. Это был развороченный кусок латунной гильзы с острыми и гнутыми зазубренными краями. Не хотелось бы, чтобы такая железка попала в тело. Саша все-таки вышел на крыльцо покурить и посмотреть на наши хулиганства. Оценив нашу реакцию на полет осколка, он вдоволь посмеялся и поиздевался над нами. Мы решили, что больше не будем «салютовать», затушили костер, закопали ямку и вернулись в дом.

Саша, Гена и Стас стали дальше пить водку, а я – чай в двойном количестве.

Утром 9 мая мы встали поздно, всем было лень готовить завтрак. Гена пришел только к десяти утра. Он сказал, что далеко от деревни отходить не сможет потому, что должна приехать автолавка, и ему нужно там закупить продукты для семьи. Точное время прибытия автолавки было неизвестно, поэтому Гена, судя по всему, с нами в это день пойти не смог бы.

Саша был не готов к такому развитию событий, но он уважал Гену и согласился с таким положением. К нашему всеобщему удивлению, Стас заявил, что он хотел бы сегодня пропустить день копания и отдохнуть в этот праздничный день. По всему так получалось, что были готовы копать только мы с Сашей.

– Да что далеко ходить, – сказал нам Гена, – вы попробуйте перед деревней покопать, – и ушел домой.

– В самом деле, – удивился Саша такой простой идее, – мы ходили везде, а у деревни никогда не были.

Порешили на том, что Стас останется отдыхать в доме, а мы с Сашей пойдем на разведку мест недалеко от Шоптово и вернемся к обеду. Если к этому времени автолавка приедет, то Гена сможет сходить с нами куда-нибудь во второй половине дня.

Поскольку мы должны были уйти не далее, чем 500 метров от деревни, я взял с собой только лопату и металлоискатель. Так работать налегке было необычно и очень удобно. Саша не стал брать с меня пример, он все-таки взял свой вещмешок, в котором была только бутылка с питьевой водой.

Мы вдвоем вышли из дома и пошли по дороге в сторону Тархово. Буквально через сто метров мы свернули налево в заросли кустарника и оказались в начале длинного оврага. Этот овраг спускался к Лучесе, образуя высокий берег, с которого вся долина реки была прекрасно видна в обе стороны. За одним оврагом был еще один, и еще, и еще. Выяснилось, что этот берег Лучесы здесь изрезан глубокими оврагами. К сожалению, я не взял у Стаса видеокамеру...

Мы с Сашей пошли в разные места. Я принялся бегать по оврагам вверх-вниз, светил прибором по верхам, по склонам, на дне. Через полчаса я уже откопал почти на дне узкого глубокого оврага отломанный стальной ствол от ракетницы и побежал к Саше наверх хвастаться. Тот очень сильно удивился находке такого рода и очень приободрился.

– Ничего себе, – говорил он, возвращая мне находку, – здесь вообще не копали что-ли? Да тут не копано вообще!

И мы стали ходить более внимательно, чувствуя себя первооткрывателями места. На самом деле, следов от раскопок здесь не было вообще. В течение следующего часа мы ходили исключительно по двум ближайшим к деревне оврагам и нашли следующие вещи: стальной корпус советской противопехотной мины нажимного действия, штык от винтовки Мосина, затвор от ПТРД. Мы были в шоке от того, что совсем рядом с деревней в земле сохранились такие вещи. Оставив Сашу копать в том овраге, где мы нашли эти предметы, я пошел дальше в разведку. В следующем овраге на дне было пусто, но меня заинтересовала одна неровность в склоне, которую было хорошо видно только снизу. Поднявшись по довольно крутому склону, я вышел к этой неровности, которая оказалась оплывшей стрелковой ячейкой. В этой ячейке был очень сильный и серьезный сигнал, который я тут же стал копать. Грунт был песчаный, он поддавался легко, и уже на половине штыка моя лопата уперлась в твердый металлический предмет. Судя по приятным округлостям, это могла быть каска. Обкопав предмет по периметру, как водится, я нажал под него лопатой как рычагом и достал из-под земли немецкую каску с большим количеством пулевых отверстий. Несмотря на боевые повреждения, каска была очень крепкая. У нее внутри был только след от стального подшлемника, которого время и влага не пощадили. А вот сам шлем сохранил толщину всего металла, форму. Каска на вес была довольно тяжелой. Даже за вычетом прикипевшей к ее поверхности песчано-земляной смеси, она была увесистая. Я стал кричать Саше, чтобы он обратил на меня внимание. Как только он увидел меня с находкой, то кинулся смотреть. Мы вместе немного потеряли шлем сверху и обнаружили под толстым слоем так называемого «ржавого пота» светло-зеленую краску! Саша тут же возвратил мне каску и быстро пошел к тому месту, где оставил лопату и металлоискатель. Стало ясно, что он осознал: наступил тот момент, когда нужно не терять времени и ковать железо, не отходя от кассы. Мне некуда было девать каску, поэтому я обстучал ее о дерево, накинул капюшон своего теплого свитера и надел на него сверху на голову эту каску. Она держалась на мне, как влитая, но отогнутые внутрь кусочки металла от входных отверстий иногда сильно давили мне на висок, особенно, когда я перепрыгивал с одного склона оврага на другой.

Мы с Сашей отработали этот овраг, но больше там ничего не было. За этим оврагом уже было ровное плато и поляна с недавно покосенной травой. Согласно карте боевых действий 1942 года, тут был хутор Починок, от которого вообще ничего не осталось, кроме поляны, пары старых коряжистых деревьев у оврага и этого ровного поля. Мы с Сашей повернули назад и решили более внимательно походить по первым двум оврагам. Примерно в середине второго мы наткнулись на несколько блиндажей, врытых прямо в склон. Но не успели мы начать разработку этого места, как услышали со стороны знакомые голоса. Это Гена и Стас кричали нам. Мы откликнулись им, и они быстро вышли на нас.

Стас рассказал нам, что автолавка приехала спустя непродолжительное время после нашего ухода. Они с Геней сходили к ней и купили все, что хотели. Что характерно, в автолавке продавалась настойка боярышника в небольших бутылочках, которую местные покупали исключительно в качестве спиртного напитка. Стас и Гена выпили по бутылочке боярышника и пошли искать нас.

Показав парням наши находки, мы ввели их в совершеннейший ступор. Стас, похоже, дико сожалел, что не пошел с нами. А Гена, похоже, и сам не ожидал, что здесь никем ранее не было копано... Мы с Сашей, будучи честными людьми, показали Стасу и Гене на блиндажи и сообщили, что третий овраг уже отработан, соответственно, есть шанс что-то найти в этом и в первом овраге. Увидев блиндажи в склоне холма, Стас кинулся туда с металлоискателем наперевес. Саша потянулся вслед за ним, а я остался в самом низу оврага, среди сухих стеблей

прошлогодней крапивы. Гена присел покурить рядом, он просто наблюдал за нами, ожидая от Саши очередной просьбы о помощи в раскопке следующей ямы. Я включил металлоискатель и стал исследовать плоское дно оврага метрах в пяти метрах напротив от входа в блиндажи. Приходилось сначала ногой отодвигать сухие стебли либо приминать их, а затем уже проводить над землей катушкой как можно ближе к поверхности. Буквально сразу же я наткнулся на сильный сигнал. Дно оврага было мокрым, и рыхлый черный грунт напоминал тот, в котором я поднял целый жетон под Карским. Действуя осторожно, я обкопал место сигнала по периметру и снял верхний слой земли. Сразу под ним лежала немецкая каска куполом вверх. Я опустил руку в яму, нащупал козырек и за него поднял каски из земли. Внутри у нее сохранился алюминиевый внешний обод подшлемника, но каска, увы, прогнила насквозь в некоторых местах. Особенно ей досталось в районе козырька и лба, завальцовка по периметру тоже оставляла желать лучшего. Все обернулись, увидя такую мою находку, но никто не сорвался с места: все ожидали, что вот-вот и им достанется какая-нибудь приятная вещь. Только Гена встал и подошел посмотреть на каску. Он добродушно повертел ее в руках, постучал по ней лопатой и отдал мне.

Примерно через три минуты мы услышали Сашин радостный крик. Гена поднялся и стал помогать ему.

– Каска! – Сашиной радости не было предела, – он на секунду остановился, чтобы оглядеть нас радостными глазами, и принялся дальше копать. Но тут вскоре выяснилось, что каска – советская, хоть и в очень хорошем сохране. Радость копателя сменилась разочарованием, которое Саша попытался скрыть напускным равнодушием.

– Да мне все равно, – бубнил он, – совковая каска – тоже хорошая находка. Да в таком сохране пойдешь еще найди, скоро вообще их не будет. Он наскоро отчистил ее от рыхлой земли и убрал в вещмешок.

А Стас в это время доставал из ямы рядом с блиндажом длинную ленту от немецкого пулемета. К сожалению, она очень сильно проржавела, и от металла во многих местах осталась только одна форма. Он продолжил копать в том месте, и одну за другой доставал куски таких же лент разной протяженности.

Я ходил взад-вперед по дну оврага, надеясь если не повторить успех, то хотя бы просто постараться сунуть катушку во все уголки, под каждый куст и примять каждый островок стеблей сухой крапивы. На голове у меня была одна каска, вторая каска была в левой руке, а лопата была под мышкой. Я уже жалел, что не взял с собой утром рюкзак, но оставлять место и идти за рюкзаком в деревню было бессмысленно, равно как и жаловаться на судьбу. Тут я увидел проявление закона подлости в его самом гуманном виде. Не исключено, что если бы я взял у Стаса видеокамеру и снимал бы ей, то мы с Сашей могли бы и пройти мимо этих пятачков в оврагах. Да и хорошие вещи очень не любят находиться, когда у копателя есть с собой фотоаппарат или видеокамера... Не знаю, есть ли в этом просто совпадение или же присутствует именно мистика, но в те разы, когда мы брали с собой в лес видеокамеру, нам никаких ударных находок сделать не удавалось. Зато наоборот – пожалуйста!

Когда мой энтузиазм в этом втором овраге иссяк, то я решил пройти по дну первого оврага с начала и до конца. Для этого нужно было подняться вверх и выйти на поле. Саша и Стас, увидев, что я завершил свои поиски внизу, тоже стали закругляться. Мы все потянулись к первому оврагу. В том месте, где поле начинает постепенно «съезжать» вниз, я увидел среди сухих стеблей крапивы какую-то небольшую ржавую раму, наполовину торчавшую из земли. Поддев ее лопатой, я полностью достал ее и стал осматривать. Рама была причудливой изогнутой формы, но качество ее изготовления было высоким. К ней были приварены в разных местах разные проушины, крючки. По всему было видно, что у нее есть какое-то особенное предна-

значение. Я впервые видел такой предмет, Саша и Стас тоже не могли пояснить, к чему она относится. До грейдерной дороги от начала оврага было буквально десять метров, и примерно на таком же расстоянии уже лежал современный мусор, куски деталей от комбайна, битый кирпич и прочее непотребство. Пока я размышлял, Саша и Стас уже опередили меня и стали исследовать овраг. Я отложил эту раму в сторону и начал ходить по этому месту с металлоискателем. Поблизости в земле было довольно много сигналов, и я начал копать все подряд. Оказывается, рядом лежали граната РГД-33 в очень плохом сохране, разные гильзы, осколки снарядов, остатки консервных банок. Я окликнул Сашу – у него был примерно такой же состав находок. Глядя на меня, тащившего на себе две немецких каски, Стас и Саша уже держали перед глазами образы касок, и находки рангом ниже они уже никак не воспринимали. Но каски, к сожалению, в этих местах больше так легко не находились.

Голод, который я раньше не замечал, к этому времени заявил о себе во всю силу, и я сел на склоне оврага, не в силах продолжать хождения. Мне оставалось только наблюдать за товарищами, которые тоже начинали ходить медленнее из-за голода.

Мы исследовали эти пяточки еще примерно минут сорок, после чего Саша вышел ко мне и заявил, что тоже больше не в состоянии копать. Он сел рядом со мной, закурил. Мы попили воды и стали вдвоем смотреть на Стаса и Гену. Спустя еще какое-то время Гена пришел к нам. Он был явно навеселе, пытался шутить и балагурить. Стас все это время одиноко ходил между деревьев, хаотично двигаясь с одного склона оврага на другой, петляя по дну его.

Наконец и он все бросил и поднялся к нам. Было уже далеко за полдень, а мы сегодня даже не завтракали.

Общим решением было решено пойти домой и пообедать, а затем уже по настроению смотреть, куда еще можно пойти на раскопки. Я не стал забирать эту раму, поскольку так и не понял, к чему она относится.

Когда мы подходили к дому, я попросил Стаса обогнать нас и взять в доме видеокамеру, чтобы запечатлеть наше возвращение со всеми находками. Он бодро поскакал туда, и когда мы медленно втроем подходили к крыльцу, он уже встречал нас с включенной видеокамерой, комментируя то, что наблюдал в видоискатель.

Подойдя поближе, мы все начали выкладывать наши трофеи на зеленый травяной ковер перед домом. Сначала я снял с головы немецкую каску и бросил ее к ногам Стаса, затем туда же отправилась и вторая каска. Саша побросал рядом свои находки, а я пошел в дом и вытащил вообще все, что накопил в этот приезд. Стас все время снимал, а я стал раскладывать находки на траве. Когда все было сделано, то мы увидели целую гору самых разных военных вещей.

– Ничего себе, – ухмылялся Саша, – приносили вроде немного, а тут все вместе получается как настоящий музей!

И этот еще рядом не были выставлены его находки, которых бы лучше было и не выставить на улицу, чтобы не шокировать возможных зрителей. Закончив съемку видео, Стас пошел в дом. Я собрал все и последовал за ним.

После позднего обеда настроя на дальние путешествия не было, и мы решили последовать идее исследования ближайших окрестностей деревни Шоптово. Саша повел всех нас к ставшему уже легендарным месту, где он откопал немецкую ракетницу в кобуре. Мы там ходили в очень расслабленном режиме, не претендуя на находки и не испытывая алчности, привычной для первого дня раскопок. Просто ходили по лесу, привычными движениями размахивая

вали металлоискателями и копали сигналы, которые считали стоящими. Мы с Сашей откопали по корпусу гранат Ф-1 каждый. Стас выкопал мятый немецкий котелок, а Гена так и собирал трехлинейные патроны. Каждый был занят своим делом, мыслями же мы были уже в своих находках. Я ходил по лесу, а сам представлял, как буду чистить каски от ржавого налета, как буду их реставрировать и красить; как буду мыть переноски для штурмовых барабанов; как буду выжигать сегодня вечером на костре тротил из корпуса «лимонки», чтобы ко мне со стороны властей не было претензий по ст. 222 УК РФ.

Как только начало темнеть, мы начали сворачивать свою деятельность и потихоньку двигаться в сторону дома. Морально мы были уже почти опустошены: заряд активности был истрачен на поиск и откапывание эха войны. Теперь нужно было снова вернуться домой, к обычным делам. Всему свое время, и мы потратили несколько дней своей жизни в эти майские праздники не зря.

Вот мы уже дома, привычно ужинаем и обсуждаем все подробности дня. О, это отдельное удовольствие – снова и снова переживать момент совершения находки! Наверное, по большей части ради именно самого процесса открытия мы и ходим в лес?..

На следующее утро мы проснулись как ни в чем не бывало и стали сразу же готовиться к отъезду. После завтрака мы начали собирать вещи и складывать все свое и вновь приобретенное добро в багажник автомобиля. Мой рюкзак в конце поездки был заметно тяжелее, нежели по приезду в Шоптово. Я едва смог уложить все находки в него так, чтобы для одежды и снаряжения нашлось место.

Занимаясь загрузкой вещей, мы увидели что по деревне едет УАЗик.

– Наши «деды» что-ли? – Саша внимательно присматривался к автомобилю, – точно, приехали!

Когда машина поравнялась с домом, Саша махнул водителю. Внутри сидело несколько мужчин предпенсионного возраста. Они были все очень грузной комплекции, и им пришлось нелегко, когда они выходили из УАЗика. Они пошли в нашу сторону, и Саша тут совсем расплылся в улыбке.

Мы поздоровались, Саша представил этим мужчинам нас со Стасом как своих напарников, но эти мужчины вообще не посмотрели в нашу сторону, как мне показалось. Они стали расспрашивать Сашу о находках, и тот начал на все лады рассказывать о том, что мы тут нашли очень много военного хлама. Стоило ему только мельком упомянуть о ящике гранат, как «деды» – а я понял, что это были именно они, – попросили Сашу показать их. Тот полез в багажник и достал пакет с гранатами. Все «деды» сгрудились вокруг них, они были очень возбуждены, причмокивали языками. По их поведению было видно, что их аж зависть берет. Саша, будучи очень хорошим прирожденным психологом, предложил самому главному толстому «деду» одну гранату забрать себе в качестве «подгона». Тот сразу же начал перебирать их в поисках самой лучшей, но Саша вмешался в процесс и как-то незаметно предложил тому одну из тех, что были очень хороши, не позволив «деду» выбрать гранату самому. Видимо, у них с Сашей были давно сложившиеся собственные отношения и система взаиморасчетов. Толстый стал активно расспрашивать Сашу о том, где мы это все нашли. И Саша не спеша, выдерживая паузы, которые явно томили толстого и тем самым доставляли удовольствие Саше, рассказал о тропинке в районе Гривы за Лучесой. За всем этим было очень забавно наблюдать.

Унеся гранату к себе в УАЗик, «дед» вернулся к Саше с какой-то трубой, в которой мы опознали сильно ржавый ствол от пулемета Максим, и вручил его Саше. Они продолжили

общаться на какие-то свои темы, а мы со Стасом вернулись к процессу собирания вещей. «Деды» вскоре вернулись в УАЗик и поехали по Шоптово в сторону реки. Видимо, они решили отправиться в те места, где мы нашли ящик с гранатами.

Закончив сборы, мы со Стасом и Сашей попрощались с Геной, традиционно вручив ему одну или две бутылки водки. Гена проводил нас взглядом, когда машина выезжала со двора на дорогу.

Мы проезжали мимо того места, где пару дней назад устраивали салют – от ямы не было и следа. Ехать по грунтовой дороге было совершенно иным делом, я вспоминал, как мы с Сашей ехали прошлой осенью по разбитой и раскисшей дороге, как штурмовали лужи и боялись засесть в грязи...

– Вот сделали дорогу, – вслух размышлял Саша, – и теперь все сюда ломанутся. Скоро в Шоптово будет аншлаг, копатели будут драться за место ночлега в доме. Эх, в следующем году в Шоптово вообще делать будет нечего, – теперь он обращался к нам со Стасом, – ваши московские опереточные копатели на квадроциклах приедут, все места с Геной выбьют и весь хлам из леса вынесут. Куда теперь ездить?

Белоруссия

Когда я вернулся в Москву, то после того, как хорошо выспался, сразу же стал искать на копательских форумах информацию о той стальной раме, которую нашел в последний день. Все же она мне смутно напоминала какую-то военную штуку, но вот к чему она относилась – этого я вспомнить не мог. Довольно быстро выяснилось, что эта рама – устройство для переноски на спине немецкого 50-мм миномета. Судя по количеству находок таких рам, они не были редкостью. Каждая дивизия вермахта должна была иметь в штатном вооружении 84 таких миномета. Воевавшая в районе Шоптово 86-я пехотная дивизия не была исключением, и я, судя по всему, нашел недалеко от деревни именно такую раму.

Узнав об этом, я стал себя упрекать за то, что не удосужился забрать ее. До деревни ведь идти всего пять минут неспешным шагом, а я не сообразил хотя бы сходить вечером перед сном туда и принести раму в дом. Уж вместе мы бы решили, что с ней делать и как ее везти. Да я бы и сам ее смог унести в руках, даже закинув на спину заметно потяжелевший от находок рюкзак.

Но было поздно горевать, собирать экспедицию в Шоптово только затем, чтобы забрать оттуда эту недооцененную находку, было нецелесообразно. Тогда я сосредоточился на том, что принялся чистить найденные каски. Особенно меня интересовала простреленная немецкая каска. Стоило ее только отмыть в воде, как по всей ее поверхности проступила краска, а сбоку я увидел декаль с белым вермахтовским орлом и свастикой на черном фоне. Каска была прострелена пулями разных калибров, примерно как найденная под Тагошей советская каска. Это стандартный пример последствий послевоенного подросткового хулиганства, или же русские солдаты использовали трофейные немецкие шлемы для учебных стрельб? Как бы то ни было, но именно эти отверстия спасли каску от гибели. Если бы она была целая, то скапливавшаяся в ней влага из грунта, несомненно, сточила бы металл до основания. А так – вода как сквозь сито проходила сквозь пулевые отверстия, и каска осталась в том виде, в каком ее и сбросили в эту ячейку в овраге.

Еще примерно неделю я не спеша чистил остальные находки, применяя обычную воду, мыло, соду, чистящие средства и щавелевую кислоту. Постепенно я закончил чистить шоптовские находки, и они заняли место на шкафу в моей комнате. Было приятно заходить в нее и при взгляде на трофеи вспоминать былые походы.

Наступил июнь, судя по нарядившимся в яркий зеленый наряд городским деревьям за окном, на природе «зеленка» полностью вступила в свои права. Когда мы в очередной раз встретились втроем – я, Серега и Стас – то очень долго уверяли Серегу, что наше старое доброе Некрасово по сравнению с Тверской областью бледно меркнет. После Шоптово ехать за копательским счастьем в Некрасово не имело смысла. Я показал ему свои находки, Стас продемонстрировал свои, и Серега с большим сожалением был вынужден это признать.

В один прекрасный день мне позвонил мой друг Ламкин с необычной просьбой. Он хотел съездить к своим родственникам в Белоруссию на автомобиле. Но он, как не очень опытный водитель, боялся ехать туда в одиночку, а взять с собой ему было решительно некого. Зная о моем фрилансерском образе жизни, он сообразил обратиться ко мне. Недолго думая, я согласился, но предупредил его, что за это мне нужна будет от него ответная услуга. Поскольку вся территория Белоруссии была оккупирована во время войны, то я даже не стал уточнять, где именно живут его родственники. Я сказал, что в поездку возьму с собой металлоискатель

и потрачу некоторое время нашего путешествия на то, чтобы покопать там. Ламкин согласился, и мы стали собираться в дорогу. Буквально на следующий день я поехал в книжный магазин «Молодая гвардия» на Полянке и купил там карту Белоруссии. Увы, километровок в продаже не было, поэтому пришлось купить карту автомобильных дорог. Но и этого мне показалось достаточно, потому что главной целью было просто не потеряться там на местности как по пути к родственникам Ламкина, так и во время моих небольших походов уже на месте. Только перед самым выездом я спросил, куда же мы все-таки едем. Оказалось, что мы едем в деревню на территории Чериковского района Могилевской области.

Мне не составило большого труда отыскать эту деревню на этой карте, и тогда я стал изучать историю боев за эти места. То, что я узнал о будущей цели нашего автопутешествия, принесло мне большие надежды и воодушевление.

Недалеко от деревни и станции Веремейки находится река Проня перед райцентром Чаусы. Еще не приступая к чтению документов о войне в этих местах, я понял, что именно эта речка Проня как серьезное естественное препятствие при любых раскладах была задействована в боях.

Основные события на реке Проне, благодаря которым она вошла в историю Великой Отечественной, связаны с операцией «Багратион». Задача перед советскими войсками в 1944 году ставилась гигантская: освободить всю Белорусскую ССР.

Бои под Чаусами начались 23 июня 1944 года, то есть почти ровно за 62 года до того, как я собирался там покопать. В тех местах в наступление пошли 49-я и 10-я армии армией, русским войскам предстояло форсировать несколько рек, в первую очередь именно Проню, и прорвать сильно укрепленную немецкую оборону. Об это пишут во многих источниках по операции «Багратион». Но вообще-то бои в этом районе начались еще в октябре 1943 года, спустя примерно месяц после того, как был Освобожден Смоленск. Эти полгода позиционных боев на рубеже реки Прони характеризуются многочисленными попытками советских подразделений прорвать очень сильно укрепленную полосу немецкой обороны и соответствующими большими потерями. Тогда еще не было замысла единым ударом сбить немцев, и частные попытки создать плацдарм на противоположном берегу Прони были unsuccessfulны.

Уже через два дня после начала операции «Багратион», а именно 25 июня 1944 года, город Чаусы был освобожден. Значит, немцев в итоге выбили с их мощных позиций очень быстро, и они не успели уйти оттуда сами. Это давало шанс, что очень много трофеев было брошено именно там, на местах боев. Держа все это в голове, я и ехал в Белоруссию, полагаясь на удачу и на то, что мне удастся за небольшое отведенное на копание время разобраться с особенностями местности и найти хороший нетронутый пяточок с хламом войны.

Мы выехали рано утром из Москвы, до Вязьмы мчались по так хорошо знакомому мне Минскому шоссе. В Вязьме свернули налево и доехали до Рославля. Там свернули на развязке направо и далее по прямой дороге ехали дальше, пересекли границу с Белоруссией и пообедали на обочине запасенными из дома бутербродами, вареными яйцами и картошкой. От этого места мы проехали примерно 35 км до города Кричева, потом еще примерно столько же до Черикова. Еще час плутаний по местным дорогам, и мы въехали в пункт назначения еще засветло. Общий километраж за день составил почти 600 километров. Перед самой деревней я обратил внимание на знак радиационной опасности, который стоял прямо на опушке. «Интересные места», – подумал я и стал смотреть, насколько далеко этот район от Чернобыля. Судя по карте автодорог, расстояние от этой деревни до города Припять на Украине и расположенной близ него ЧАЭС по прямой было всего-то 270 километров.

Родственники Ламкина в деревне встретили нас хорошо, мне отвели отдельную кровать в комнате детей, а самих обитателей взрослые взяли ночевать к себе в спальню.

Впереди у нас было две недели, и первые несколько дней мы решили потратить на посещение местных достопримечательностей, как их понимали сами местные. Мы за один день побывали в Могилеве, посетили рынок автозапчастей, поехали по центру города. В конце дня я все-таки начал спрашивать у хозяев про войну и про места боев, но ничего внятного от них добиться не удалось. Они просто были не в курсе дела. Насчет знаков «Радиация» на опушке они пояснили, что в том лесу собирать грибы и ягоды не рекомендуется, поэтому они ходят через дорогу в соседний лес. Там знака нет, и вроде как нет и радиации.

Сама белорусская деревня была абсолютно не похожа на то, что называют деревней в России: двухэтажные панельные дома, на окнах многих квартир были установлены спутниковые антенны, всюду был порядок и чистота. Ламкин решил выпить с родственниками за приезд и отдохнуть с дороги, все-таки он все это время был за рулем.

Я же взял металлоискатель и пошел на окраину деревни, чтобы самому увидеть, что же собой представляет белорусский лес. Оказалось, что сразу за дорогой в еловом лесу есть блиндажи. Рядом с ними были установлены самодельные брусья, турники и скамейки для упражнений на пресс. Видимо, местные спортсмены обустроили это место для себя некоторое время назад. Но было заметно, что этими спортивными снарядами давно уже никто активно не пользовался. Я отошел в лес метров на двадцать, включил прибор и начал ходить по площадям. Нужно было разведать место. Сразу же мне стали попадаться гильзы от Маузера, гильзы от трехлинейки, обоймы для патронов и осколки от мин. С одной стороны, это было неудивительно, ведь война в Белоруссии была практически повсеместно, что по 1941 году, что по 1943—1944 годам. Но чтобы вот так с первого раза наткнуться на реальные боевые блиндажи...

Я продолжил ходить по лесу, и везде была одна и та же картина: гильзы, осколки, старые консервные банки. Можно было ожидать найти остатки советских касок, более массивные артиллерийские гильзы, но ничего крупнее винтовочной гильзы я не нашел. В лесу постоянно я наткался на протоптанные тропинки, люди ходили здесь регулярно, но современного мусора не было! Это было разительным контрастом с российскими лесами, например, с Подмосковьем, где в любом лесу поблизости от жилья обязательно будет локальная свалка строительных отходов или бытового мусора. Тут же не было и намека на подобное. Обойдя лес по периметру и уткнувшись то в дорогу, то в поляну, то в опушку, я вернулся на место захода. Разведка продемонстрировала присутствие военного железа, и теперь нужно было отправиться непосредственно на места самых жестоких боев. Уж там-то точно должны быть более интересные вещи!

Когда я вернулся домой, то местные поведали мне историю о том, как в послевоенные годы жители постоянно ходили в ближайшие леса и собирали металлолом. Теперь стало понятно, почему крупного железа в лесу нет: это все давно подчистили и вывезли.

На следующий день Ламкин загорелся идеей покататься по окрестностям на машине и посмотреть на древнюю архитектуру. Родственники тут же порекомендовали нам съездить в город Мстиславль и заглянуть в расположенный там монастырь. По их меркам, ехать до Мстиславля было недалеко, всего 50 километров. От Мстиславля до российской границы было гораздо ближе, примерно 11 километров. Но Ламкину, вырвавшемуся на свободу и потерявшему голову от низких цен в Беларуси, такие расстояния были нипочем. Мы долго собирались, взяли с собой хорошего знакомого его родственников и выехали в сторону Мстиславля только после обеда.

Ламкин был в приподнятом настроении, местный проводник сидел впереди на пассажирском сидении и показывал дорогу, мы с ветерком катились по пустым местным дорогам. Всего через полчаса мы въехали в Мстиславль, сбавили скорость и стали рассматривать город. Он был очень маленький, аккуратный, низкоэтажный. Буквально на каждом перекрестке можно было увидеть какое-либо старинное здание: колокольню храма, здание торговых рядов, усадьбы. Мы пересекли город несколько раз из конца в конец разными путями, а затем наш местный проводник предложил выехать за город, чтобы посмотреть развалины древнего монастыря, расположенного за чертой города. Поскольку наш проводник не знал точного маршрута, мы подъехали спросить дорогу у местных мужиков, которые сидели за столом и пили пиво. Нам любезно показали дорогу и объяснили, как добраться до этих достопримечательностей. Мы заехали туда, покрутились возле старинных построек, которые сложно было назвать развалинами, и которые явно находились в процессе ремонта и реконструкции.

После этого было решено ехать домой на ужин, ведь нас уже заждались к столу. Ламкин сообщил, что он уже понял все особенности движения по местным дорогам, а наш проводник был навеселе от бутылки пива и все время что-то рассказывал.

Заезжая обратно в город, Ламкин не обратил внимания на дорожный знак «Уступите дорогу», и мы на полном ходу выехали на перекресток. К нашему несчастью, справа по дороге на перекресток выехала другая машина – это был серебристо-серый «Опель». Я сидел сзади за водителем и видел все происходящее, как в кино.

Мы выехали на перекресток, и только тогда Ламкин увидел приближавшийся к нам справа «Опель». Скорость обеих машин была примерно 60 км/ч, мы стремительно сближались прямо посередине перекрестка. Наш автомобиль неумолимо ехал прямо наперерез «Опелю», и в следующее мгновение мы врезались в водительскую дверь другой машины. Капот нашего автомобиля поднялся и сложился, от инерции удара я стукнулся головой о подголовник водительского сидения и отлетел назад. «Опель» отскочил в сторону и проехал по инерции еще немного вперед, остановился на обочине.

Наша машина тоже остановилась. На несколько секунд воцарилось молчание, после чего Ламкин спросил: «Все живы?» Мы с пассажиром откликнулись, ошупывая себя, – все были целы, не считая легкого шока. Потом вышли из машины, а на перекрестке уже стали собираться местные жители, услышавшие удар.

Водитель «Опеля» не был пристегнут, он ударился головой сначала о стойку салона, а затем его отбросило вправо-вперед в сторону лобового стекла. Он головой ударился о правую нижнюю его часть, и на стекле осталась выпуклая вмятина от его головы. Водитель с трудом выбрался из салона, Ламкин нагнулся к нему и спросил, нужна ли ему помощь. Зевак стало собираться все больше и больше. Не теряя времени, я взял у Ламкина фотоаппарат и стал фотографировать место происшествия, положение машин, водителя «Опеля». У нашего автомобиля была разбита передняя часть: бампер, капот, фары. На асфальт вытекал тосол.

Через минут десять появились знакомые и родственники водителя «Опеля», они пробовали отозвать Ламкина в сторону для разговора, но он им громко и внятно сказал, что разговаривать будет только в присутствии инспектора местной ГАИ. Как я понял из перешептываний местных зевак, водитель «Опеля» ранее был лишен прав вождения за нарушение ПДД, он и сейчас явно был в состоянии легкого алкогольного опьянения. Но самая большая неприятность для нас была в том, что это мы нарушили правила, выехав первыми на этот перекресток. Перед ним с нашей стороны был установлен знак «Уступите дорогу», который, правда,

был скрыт листвой и вообще не виден. Местные жители знали правила и без него, поэтому ехавшие по этой дороге всегда тормозили на перекрестке. Водитель «Опеля» ехал по своему родному крошечному Мстиславлю и даже не думал ждать опасности с дороги слева, ведь он ехал по главной дороге и не тормозил на перекрестке...

Судьба была в том, что этот водитель был одним из тех мужчин, которые еще час назад показывали нам дорогу к развалинам монастыря. Теперь мы с ним еще раз встретились на дороге, но уже в другом качестве.

К счастью, наш оппонент не получил сильных повреждений, но удар головой о лобовое стекло все-таки был для него чувствительным. Как говорили зеваки, если бы он был трезвым, то пострадал бы сильнее.

Когда приехал инспектор ГАИ, то для него ситуация уже была ясна и теперь нам предстояло оформить протокол ДТП. Вина Ламкина была очевидна всем. Со страховкой у нас все было в порядке, и самое страшное, что нам могло грозить, – это штраф водителю за то, что не выполнил требование знака «Уступите дорогу», что привело к аварии.

Наша машина не могла ехать самостоятельно, и это было самое печальное для нас. Уже сгущались сумерки, а мы были в пятидесяти километрах от дома. Дядя Ламкина к этому моменту уже успел выпить за ужином водочки и не мог приехать в Мстиславль нам на выручку.

Инспектор ГАИ после оформления всех бумаг дотащил нас на буксире до здания местного отдела милиции, и мы остались там ночевать в машине втроем. Настроение на всю поездку было потеряно. Ламкин уже считал примерные финансовые потери от этой аварии. Наш проводник был хорошо осведомлен в ценах местного рынка автозапчастей и обнадежил Ламкина, пообещав помочь найти самые дешевые запчасти для его автомобиля на разборках, а также порекомендовать знакомых мастеров в местном автосервисе.

Мы провели всю ночь в машине, сон никак не давался: мы раз за разом прокручивали в памяти всю ситуацию, каждый рассказывал свое видение. Ламкин корил себя за беспечность и за то, что не сбавил скорость на перекрестке, что не рассмотрел знак и что вообще поехал в этот злосчастный Мстиславль. Как говорится, чтобы я всегда был умным, как моя жена после.

Примерно часов в восемь утра за нами приехали деревни на машине и забрали в деревню. А наша поврежденная машина так и осталась арестованной на стоянке ГАИ до разбора ситуации. Последующие пять дней мы занимались разрешением этой проблемы. Ламкин со своим дядей ездил в Мстиславль на разбор происшествий, где обоим водителям вменили обоюдную вину. Ламкин получил штраф за то, что не уступил дорогу, а второй водитель был наказан за езду без прав. Правда, он еще и оказался в больнице с подозрением на ушиб головного мозга, и его машина, по оценке инспектора ГАИ, восстановлению не подлежала. Еще пару дней мы потратили на поездки в Минск на авторынок и поиск необходимых деталей на разборках. Дядя Ламкина нашел знакомых слесарей и договорился о ремонте машины. В итоге пришлось еще раз ехать в Мстиславль и забирать автомобиль на буксире. Ламкин по прошествии некоторого времени, подсчитав свои потери, сообщил мне, что если бы такая авария случилась в России, то стоимость ремонта в Москве и области была бы в два раза выше. А так он потерял примерно 700 долларов.

Кстати, когда мы были в Мстиславле, то дядя Ламкина заехал в гаражи к одному своему знакомому товарищу. Была хорошая погода, и многие владельцы гаражей были на месте, кто-то копался в моторе, а кто-то наводил порядок в гараже. Пока они там что-то обсуждали, я обратил внимание на очень знакомую канистру у одного из автовладельцев. Она стояла возле

двери гаража, так что я мог хорошо ее рассмотреть из салона нашей машины. Канистра была очень старая, но целая, и ей явно пользовались по назначению. На ее боку были выдавлены надписи на немецком: «Kraftstoff Feuergefaerlich 1943 Wehrmacht». Мне было приятно видеть следы войны даже в таких утилитарных вещах. Ничего, успокаивал я себя, вот решим все проблемы с машиной, и я оторвусь в белорусских лесах по полной программе!

Буквально за несколько дней до того, как нам уже нужно было уезжать из Белоруссии, автомастера огорчили Ламкина. Они сообщили, что для полноценного вытягивания смятых лонжеронов требуется больше времени, еще примерно две недели. По всему выходило, что обратно нам придется ехать в Москву на рейсовом автобусе. Ламкин уже смирился с этим, а также с тем, что ему придется еще раз приехать в Белоруссию через две недели.

В очередной раз, когда мы все вместе поехали в Могилев по каким-то делам, я взял с собой рюкзак с лопатой и металлоискателем. Ламкин и его дядя что-то закупали на рынке, а я просто ехал как балласт. Но вот на обратном пути я сообщил им, что хочу выйти на трассе за Чаусами и походить в лесу за Проней хотя бы один день. Они очень удивились, согласились выполнить мою просьбу. Я пояснил, что от меня им сейчас все равно нет никакой пользы, и я все-таки приехал в Белоруссию не просто за компанию, но и по своим делам.

На трассе Могилев-Чериков мы остановились в районе деревни Дрануха, перед мостом через Проню. Мы договорились, что контрольный срок моего возвращения в деревню будет через 3 дня. Если мне понадобится, то я позвоню ему на мобильный телефон и сообщу точку, в которую нужно будет приехать за мной на машине. Но это будет в крайнем случае, а так я обещал быть не позднее этого срока дома и добраться до деревни самостоятельно. Я вышел из машины, забрал из багажника рюкзак и попрощался с Ламкиным. Машина уехала, и я остался один на один с природой. Отойдя с дороги в лес, я поменял гражданскую одежду на копательский прикид и пошел исследовать лес на высоком берегу Прони. Что я знал об этих местах из истории? Во многих документах писали практически одно и то же, повторяя из слова в слово, что на западном берегу реки немцы создали мощные оборонительные сооружения. Они состояли из трех позиций и размещались в 300—500 метрах от реки, преимущественно по высотам и опушкам. Линии траншей соединялись ходами сообщений, перед окопами были установлены ряды колючей проволоки, некоторые позиции прикрывались рвами с водой.

Немецкий берег Прони был засажен елками примерно лет 30—40 назад. Посадки прошли прямо по бывшим окопам и блиндажам. Было заметно, что сплошной линии окопов вдоль реки не осталось: на ровном поле их засыпали и все разровняли, в лесу засадили елками. Лишь в некоторых местах сохранился старый лес, который рос поблизости от окопов еще 60 лет назад. Берег был пустынным, с многочисленными тропинками. Судя по этим следам, люди периодически ходили здесь. Но тогда была середина недели и все работали, никто не шлялся празднично по лесу. Природа выглядела очень опрятно, если можно так сказать, в лесу и на полянках не было и следа от мусора. Я походил по берегу, как турист, стараясь привлечь к себе внимание людей, если бы они тут были. Когда я понял, что здесь, кроме меня, больше никого нет, то достал из рюкзака металлоискатель с лопатой и стал исследовать все ямы подряд. Так я ходил примерно час вверх и вниз по холмам, то приближаясь к реке, то отдаляясь от нее: не было никаких сигналов, как будто корова языком слизала. Тогда я решил пройти вдоль реки дальше от дороги. Может, там удача улыбнется мне?

Вот и я один на природе, рядом в радиусе километра нет никого. Только редкие машины проезжают по трассе, но их можно не брать в расчет. Я испытал какое-то сильное умиротворение, какое можно испытать только на природе, причем, пребывая в одиночестве. Точнее, я не испытывал одиночества и страданий от того, что я тут один. Мне было комфортно, я

медленно настраивался на копательский лад, и все наши злоключения с аварией и ремонтом машины все быстрее отдалялись от меня.

Час спустя я уже чувствовал и дышал совсем другим временем, перед моим мысленным взором проходил 1944 год. Вот стали попадаться так знакомые по нашим прежним выездам алюминиевые баночки от рыбных консервов с надписью Aluminium Improves Quality, что было хорошим знаком. Чем дальше в чащу – тем больше сигналов. Тут был весь стандартный набор: хвостовики от мин, осколки от снарядов самых разных размеров, винтовочные и автоматные гильзы. Несколько раз я натыкался в лесу на целые минометные мины. Я не стал их трогать и доставать из ямы, чтобы узнать – прошли они канал ствола или нет? Просто засыпал обратно землей и ушел на другое место. У меня было предостаточно времени и сил, чтобы ходить по площадям, залезать в землянки, проверять брустверы и полянки перед входом в блиндажи. Хлам был, а вот интересных находок так и не попадалось. Пока я ходил причудливыми зигзагами по лесу, погода испортилась, и стал накрапывать мелкий дождь. Тогда я выбрал место повыше, чтобы там росли елки с раскидистой кроной, достал из рюкзака тент и растянул его между деревьями. Это позволило мне немного отдохнуть и переждать дождь в сухом месте. К счастью, дождь шел недолго, и я, немного подождав, чтобы тент просох на ветру, сложил его обратно в рюкзак и пошел дальше изучать лес. Судя по карте, лес на берегу Прони был относительно небольшой, со стороны города Чаусы его поджимало поле. Незаметно для себя я прошел этот лес насквозь и оказался на опушке у поля. Аккуратно выйдя из леса, я стал присматриваться вдаль и увидел вдали крыши домов в городе, услышал индустриальные звуки с предприятий и шум моторов с шоссе. Нет, современность мне неинтересна, мне нужна война. Рассуждая так, я вернулся в лес и пошел в сторону реки так, чтобы пройти туда уже новым маршрутом.

Конечно же, я был предельно осторожен в лесу и напрягал свой слух так, чтобы в случае сближения с людьми я бы первый обнаружил их. Народ в Беларуси простой и относится к органам власти с доверием и пониманием, поэтому милиция часто получает сигналы от граждан, если кто-то вдруг ведет себя неподобающим образом. Я прекрасно понимал, что приехав сюда из России с металлоискателем и отправившись на места боев по 1944 году, я себя веду совершенно неподобающе. С точки зрения белорусских законов, в Беларуси имеет право копать по войне только 52-й отдельный специализированный поисковый батальон вооруженных сил. Если меня тут кто-нибудь увидит за работой и позвонит «куда следует», то разбирательств не избежать. Самый минимум, на который можно тогда будет рассчитывать, – это потеря металлоискателя. В худшем же случае могут возбудить административное или уголовное дело.

Именно поэтому я старался шифроваться как можно сильнее и выбирать самые глухие места для хождений с прибором.

У такой строгости с раскопками есть и другая сторона – низкая конкуренция или же ее полное отсутствие. Рискую нарваться на неприятности, я в то же время вступал как бы на территорию заповедника, где не ходят толпы копателей с металлоискателями и не ездят лихие люди на джипах и квадроциклах. Низкая конкуренция, как известно, повышает шансы для первопроходцев и позволяет организовать монополию. Судя по отсутствию раскопок в лесу, я в этом месте немецкой обороны на Проне был как раз в роли монополиста. Этим можно и нужно было пользоваться.

Еще одна опасность, которая тут подстерегала меня, это та самая чернобыльская радиация. Согласно открытым данным, примерно 70% радиоактивных осадков после аварии

на ЧАЭС выпало в Беларуси. Уровень загрязнения ее территории даже выше Украины, до 20% всех лесов Беларуси до сих пор загрязнены радиацией. Соответственно, любой хлам войны, выкопанный в Беларуси, по умолчанию может нести радиоактивное загрязнение. Последствия собирания таких находок дома сложно предугадать.

Поэтому, рассуждал я, если мне будут попадаться рядовые вещи, то лучше их не брать с собой. Присваивать можно только редкие и интересные вещи, и то их нужно будет потом проверить на радиацию. Зачем же тогда ходить в Беларуси по местам боев и копать военный хлам, спросите вы? Ну, так как раз ради процесса, ведь так приятно быть первопроходцем, доставать вещи из земли и испытывать эйфорию при каждой интересной находке!

Так подошел к концу день, в лесу уже стало довольно темно, и мне оставалось не так много времени перед закатом, чтобы выбрать место для ночлега. Я решил забраться поглубже в чащу, чтобы там раскрыть тент между двумя толстыми деревьями, которые бы стояли в окружении густого кустарника. Это была моя первая ночевка в лесу в полном одиночестве, и мне предстояло выдержать испытание собственными мыслями. Ведь не секрет, что когда мы остаемся одни, то все содержимое нашего головного мозга начинает активно подавать сигналы сознанию. Человек, питаемый избытком разных идей, может и не справиться с ними. Скорее всего, именно поэтому пытка одиночеством для большинства людей становится непереносимой мукой, ради избавления от которой они готовы продать душу дьяволу.

И я почувствовал эти явления уже в тот момент, когда, раскрыв тент, стал готовить ужин на костре. Наступила ночь, в лесу стало совершенно темно, и каждый шорох в лесу моим сознанием воспринимался как звук, создаваемый другим живым существом. В голову стали приходить всякие разные образы тех, кто бы это мог быть – от лесных мышей, бурундуков и кротов до зайцев, лисиц, волков, кабанов и леших вурдалаков. Вот, к примеру, вы точно уверены, что существ наподобие снежных людей или йети в этом мире не существует? Сидя дома или даже ночуя в лесу, но в компании еще кого-нибудь, я бы на такой вопрос рассмеялся бы в лицо вопрошавшему. А оставшись в лесу один на один с природой и ее неведомыми мне звуками, я не был столь категоричен. Я стал весь внимание, которое очень сильно обострилось. Чтобы отвлечь себя от этих самых терзающих сомнениями мыслей и допущений, я стал просто что-то делать. То хворост соберу, то разожгу костер поярче, то стану заваривать чай. Во время таких занятий странные мысли отступали, и на место им приходили простые понятия: тепло-холодно, хорошо-плохо, добро-зло. Когда я научился контролировать поток мыслей, то и интенсивность звуков в лесу стала не столь пугающей. Я стал анализировать природу возможных звуков в лесу и насчитал огромное множество причин, приводящих к отсутствию тишины. Деревья качаются – звук издает кора, которая трется от ветки; падают листья, шурша на ветру; сухие ветки отрываются от дерева и с хрустом падают – они слышны очень далеко; пропрыгал зайчишка, хрустя чем-то – это нормально в лесу; птицы выют гнезда и хлопают крыльями в вершинах деревьев – это вообще слышно на весь лес. И теперь нужно вздрагивать от каждого шороха? Да ну вас всех, дорогие лесные жители, я сегодня у вас ночую, но я тут не в гостях, а на равных с вами правах. Сказав себе это, я переключил поток сознания с того, что происходит сейчас вокруг меня на то, что могло происходить тут раньше.

Устроившись поудобнее на коврике внутри растянутого тента, я пил чай и наслаждался природой. Неожиданно мне стало хорошо и комфортно наедине с собой, я обрел гармонию в своих мыслях и постарался запомнить это состояние. Надо сказать, что ранее я не испытывал ничего подобного, и мне захотелось, чтобы это ощущение уверенности в себе и правильности того, что я делаю в данный момент, не покидало меня никогда. С такими мыслями я завернулся в спальный мешок и крепко заснул.

Утром сработал будильник на мобильном телефоне, который я поставил на семь часов утра. Выглянув из тента, я увидел остатки костра и котелок с остатками чая, брошенную мной у костра ложку и нож. При дневном свете лес выглядел куда как прозаичнее, чем поздним вечером. Посмеявшись над своими вчерашними мыслями, я стал разжигать костер и готовить завтрак.

После завтрака я походил с металлоискателем вокруг своей стоянки в радиусе примерно двадцати метров. Мне было интересно посмотреть на результат тотальной проверки площади. Получаса было достаточно, чтобы понять: осколки артиллерийских снарядов есть в любом лесу, который находился в зоне боев. Осколков было не так много, но все-таки они встречались в количестве, достаточном, чтобы оценить царившую тут обстановку при артиллерийском обстреле как смертельно опасную. Сняв тент и убрав все вещи в рюкзак, я пошел по лесу с металлоискателем наперевес, полный сил и желания что-нибудь найти. Чем ближе к реке, тем более крутым становился уклон. В один прекрасный момент я увидел перед собой живописный овраг с широким дном. Вот тут-то я разгуляюсь!

Я спустился вниз, поставил рюкзак посередине оврага и стал ходить, размахивая прибором из стороны в сторону. Здесь мне стали попадаться ржавые консервные банки, остатки стальных ящиков от боеприпасов, гвозди от сгнивших деревянных ящиков и укупорок, остатки цинков с патронами, гильзы от оружия. Всего этого было очень много, выкапывать каждый такой пустяковый предмет мне стало лень, и спустя какое-то время я подкрутил настройки металлоискателя так, чтобы он отсекал мелкие стальные и чугунные предметы.

После этого мне стали попадаться только гильзы, что значительно упростило мое хождение. В одном месте я нашел несколько алюминиевых шпенек от немецких подсумков. Правда, это была только фурнитура, а самих подсумков не было. Я все там перерыл, но их как след простыл. Так, с оврагом все ясно, а где же тут блиндажи? Ведь источники обещали на этом берегу еще и несколько рядов траншей! Забрав рюкзак, я пошел дальше вниз по оврагу по направлению к реке, и оказался в лесу, буквально изрытом сплошными линиями окопов. Рядом были и блиндажные ямы, расположенные по всем правилам полевой фортификации. За деревьями был просвет, в котором ясно было видно течение реки. Было только одно обстоятельство, которое сильно отрезвляло, — это широкая пешеходная тропинка, выходящая между линиями траншей вдоль всего берега. Эта картина мне напомнила берега реки Нары в Подмосковье.

Что ж, подумал я, это именно те немецкие позиции, которые я искал. Надо просто включить металлоискатель и походить здесь как следует. Следов чужих раскопов я здесь не увидел, что вернуло мне оптимистичный настрой, и я сразу полез в блиндаж. В нем было много сигналов, и я стал копать сплошняком, не отвлекаясь на проверку и уточнение места. Сначала пошли целые и битые стеклянные бутылки. Я уж было решил, что наткнулся на хорошо закопанную современную помойку, но знакомого советского мусора не было — были только бутылки. Я стал их рассматривать и признал в них исключительно немецкое происхождение. Там были винные бутылки из темно-зеленого стекла, пивные бутылки из темно-коричневого, бутылки из-под шнапса из прозрачного белого стекла — тара на любой вкус. После бутылок пошли остатки консервных банок и куски трехжильной немецкой колючей проволоки, остатки кожаных подошв. Раскопав там все до материка, я понял, что это было место сброса бытового хлама из блиндажа. А куда сбрасывали боевой хлам? Я поднялся повыше и стал ходить поверху рядом с раскопанной помойкой. Буквально сразу мне стали попадаться советские патроны в одном месте, они шли и шли из ямы, я копал все глубже и глубже, и с каждым сантиметром глубины патроны становились все более чистыми, латунь становилась все более желтой. В общей сложности я

достал оттуда штук двести трехлинейных патронов, раскопав яму глубиной более двух штыков. Собрав их все и отложив на заранее првоеренно пустое место возле дерева, я продолжил ходить поверху. В метре от ямы, где были патроны, металлоискатель подал очень сильный и четкий сигнал. Я воткнул лопату в землю и стал копать. На глубине примерно один-полтора штыка я наткнулся на полукруглую боковину со вдавленными ребрами жесткости. Эта картина мне была уже очень хорошо знакома – немецкий противогазный бачок припрятан тут! Меня потрясло то, что он был в зеленой краске. Я начал аккуратно обкапывать его со всех сторон. Когда дело было сделано, я вытащил его рукой из ямы и обнаружил по весу, что он не пустой. Осмотрев его со всех сторон, я увидел аккуратное квадратное отверстие в бачке, видимо, от осколка. Оно не было сквозным, и на обратной стороне в металле был замечен четкий след от вмятины, сделанный квадратным осколком изнутри. Я открыл крышку бачка и обнаружил там внутри противогазную маску! Аккуратно вытряхнул из бачка содержимое: увы, осколок пробил не только одну из стенок бачка, но и размочалил сам противогаз. Стекла были разбиты, резина превратилась в труху, фильтр прогнил просто в хлам. А вот и сам осколок, действительно, он имеет почти квадратную форму и, потеряв всю кинетическую энергию, остался внутри, испортив такую хорошую вещь... Видимо, поэтому противогазный бачок и бросили тут из-за того, что он пришел в негодность, а потом просто пнули в яму и засыпали. Я засунул содержимое обратно в бачок, бросил туда же осколок и закрыл крышку. Немного порадовавшись такой находке, я убрал ее в рюкзак и продолжил ходить среди траншей. Далее мне попадались всякие вещи, уже знакомые по немецким позициям, но ничего стоящего мне не попало. Я обошел все ряды траншей, спустился к первой линии, за бруствером которой сразу же начинался обрывистый берег высотой более трех метров. Я живо представил себе, какой непреодолимой преградой для штурмовавших эти позиции советских солдат с той стороны казались эти окопы. На первой линии в брустверах было множество стреляных гильз. Имея в рюкзаке противогазный бачок, я уже грезил о касках и других знаковых предметах. Но тут больше ничего не было. Я несколько раз по диагонали прошел эти позиции, заходил с разных сторон, проводил катушкой металлоискателя между деревьев, совал ее под густые кусты, отходил в лес и возвращался – все было напрасно. Мелкого железа и осколков с гильзами было предостаточно, а ценных находок не было. Я сверился с картой. Несмотря на мелкий масштаб, все же было видно, что лесной массив этот небольшой.

Река Проня подходила вплотную к лесу буквально единственно в этом самом месте, тогда как в остальном своем течении она вилась, как змея, и была от леса на расстоянии примерно 200—300 метров. Я пошел вдоль берега и вдоль окопов прямо по тропинке в сторону автодороги, с которой пришел. Буквально через двести метров сплошные линии окопов прерывались, лес переходил в мелкий кустарник. Река отходила от берега, и сам берег становился более пологим. Вот и все, подумал я, у немцев система огня была выстроена так, чтобы занимать высоту в лесу и ближайшие подступы к ней. С той высоты, где я откопал патроны и противогазный бак, все вокруг простреливалось на километр, и подойти к этим позициям ближе – означало идти на верную смерть. Я вернулся немного назад, походил по последним траншеям, но там вообще было пусто. Копать траншеи наугад мне не хотелось, к тому же, упадок сил безо всяких часов дал знать, что наступило время обеда. Я отошел подальше в лес, приготовил еду и обнаружил, что мои запасы воды уже почти на исходе. Пятилитровая бутылка как-то быстро закончилась, и я стал думать, как мне поступить. Набирать воду в реке Проне мне не хотелось, я опасался радиации и сточных вод из города Чаусы. Никаких источников или колодцев поблизости за сутки я не замечал.

Пообедав и пройдясь еще с часок по окопам, впрочем, без особого результата, я решил завершать свой одиночный выход и двигаться в сторону дома. Немного расстроившись, что

я не сумел рассчитать расход воды и запастись нужным количеством, я переделал, сложил металлоискатель и лопату в рюкзак и пошел в сторону автодороги. Звонить Ламкину и вызывать машину мне показалось слишком простым решением для такого небанального похода. Я чувствовал в себе еще силы на рывок и решил добираться до деревни самостоятельно. Согласно карте, путь по автодороге составил бы более 30 километров. Но там дорога делала большой зигзаг, и расстояние от места, где я сейчас находился, и деревней по прямой составляло всего 15 километров. Конечно, я не собирался лететь на крыльях домой, и мне нужно было выбрать маршрут. Я решил, что поступлю следующим образом: по автодороге я дойду до железнодорожных путей и уже по путям пойду в сторону станции и одноименной с ней деревни. Так я ни за что не заблужусь, но в этом случае мне придется пешком пройти почти 20 километров с рюкзаком. Несколько лет назад я ставил эксперимент и пробежал 20 километров по Москве от станции метро «Проспект Вернадского» до станции метро «ВДНХ» буквально за 2,5 часа. Реально оценив свои силы, я решил, что с рюкзаком за спиной я пройду эти 20 километров до деревни за 4—5 часов. Если повезет, и по этой железной дороге часто ездят поезда, то я вообще смогу сократить свой путь, дойдя до ближайшей станции и подождав поезд.

Полежав на земле перед выходом минут двадцать и настроившись на марш-бросок, я встал, надел на спину рюкзак и пошел по дороге. Мои надежды оправдались, и, пройдя 10 километров, я наткнулся на железнодорожный полустанок. К счастью, там стояли люди, ожидавшие поезд именно в ту сторону, в которую мне было нужно. Через 45 минут пришел дизель-электровоз с вагонами, мы сели в поезд, и уже через пятнадцать минут я вышел на нужной мне станции. Еще пятнадцать минут пешком, и я звонил в дверь квартиры. Никто не ожидал меня увидеть в этот момент, Ламкин сказал, что если бы вечером я не позвонил, то он бы сам набрал мне, потому что стал беспокоиться. Я показал все свои находки, чем привел в замешательство всех. Они-то думали, что Великая Отечественная война осталась где-то далеко позади в истории, а она до сих пор лежит у них в лесах, стоит только пойти ее искать.

Через пару дней нам нужно было уезжать, мы собрали вещи и тепло простились с хозяевами. Дядя Ламкина отвез нас на своей машине в город Чериков и посадил на рейсовый автобус до Москвы. Мы сели в выдавший виды дизельный «Икарус» в 6 часов вечера, ехали всю ночь на неудобных креслах, просыпались каждые 2 часа на остановках. Автобус шел до конечной остановки «Автовокзал Измайлово», что было для нас обоих не совсем удобно. Примерно в 6 часов утра попросили водителя остановиться в районе 43 километра на МКАДе. Там нас подхватил на машине сосед Ламкина, с которым была предварительная договоренность об этом. Этот добрый человек подвез сначала меня до дома, а потом домой увез Ламкина. Так закончился мой увлекательный и незабываемый выезд в Белоруссию, из которого я вынес несколько полезных жизненных уроков и благодаря которому значительно обогатил свой копательский опыт.

Некрасовский фарт

Буквально через неделю после описываемых событий мы со Стасом решили поехать в Некрасово. Точнее, в этот раз Стас уговорил меня посетить те места. Он уже давно не выезжал покопать, и теперь его было не остановить. Поиску новых мест он предпочитал посещение уже изученных старых, где, как ему казалось, всегда можно что-то отыскать. Я же, отчасти пресыщенный прошлым копанием в Белоруссии, не ждал от Некрасово никаких открытий. Те места мы изучили более чем хорошо, восторга первопроходца там уже не испытать...

Тем не менее, я согласился поехать, чтобы не терять форму и отдохнуть на природе. Стас для такого дела попросил у отчима автомобиль на выходные, я с рюкзаком приехал к нему домой в обед в пятницу, и мы с комфортом поехали на запад. Ехать по Москве в пятницу на машине – занятие непредсказуемое. Погода была прекрасная, этим обстоятельством решили воспользоваться не только мы, но и тысячи дачников, стремительно оккупировавших своими машинами неширокое Минское шоссе. От МКАД и вплоть до Можайска мы то и дело встречали в пробки и лишь поздно вечером в пятницу добрались до Серегиной бытовки. Ключей от нее у нас не было, мы поставили палатку в уже знакомой маленькой роще на поле.

Я был в расслабленном состоянии и получил большое удовольствие от сидения у костра и пребывания на природе. Стас был очень бодр, ему не терпелось, чтобы суббота наступила поскорее, и мы бы пошли копать.

Утром мы быстро позавтракали, напились чая и пошли в сторону речки Добреи. Она была в это время полна водой, и нам пришлось еще походить вдоль ее извилистого берега, чтобы найти переход на другую сторону в виде поваленного дерева.

Поднявшись по склону вверх, мы миновали старые посадки, прошли густой молодой лес и вышли, наконец, к ранее изведанным немецким блиндажам. Стас тут же достал из рюкзака свой металлоискатель и побежал к ямам, чтобы первым реализовать свое стремление к находкам. Я же знал, что здесь хлама совсем не так много, как в Беларуси и в Шоптово. Поэтому просто дежурно ходил с металлоискателем между блиндажами, изредка копая те сигналы, которые мне казались стоящими. Я скорее получал удовольствие от свежего воздуха и пряного аромата леса.

Увидев, что я хожу по блиндажам без особого рвения, Стас заподозрил что-то недоброе. Тогда он предложил уйти с этого места и поискать новые места дальше в чаще. Я не возражал, так как поиск неизведанного был гораздо интереснее, чем пустое ковыряние на старых местах. Мы сверились с картой и взяли курс по компасу на Долину Славы. Совсем скоро мы оказались в мокром лесу. Что-то мне подсказывало, что я где-то видел эти картины, что мы здесь однажды уже были. Стас не узнавал эти деревья, просветы в них. Мы прошли по этому лесу еще немного, оказались на сильно заросшей крапивой полянке, окруженной елками и осинами. Тут уже я испытал совершенно четкое ощущение дежавю и стал пристальнее осматриваться в поисках доказательств. Миновав крапиву, мы подошли вплотную к крупным деревьям, и в этот момент увидели еле заметные следы костровища между ними. Рядом лежали мелкие кусочки алюминия, остатки тюбиков.

– Стас, а не мы тут были случайно? – я краем глаза заметил пару знакомых блиндажей.

– Не знаю, не могу узнать, – он вышел из крапивы, скинул рюкзак, и мы стали внимательно обследовать этот пятачок.

Я сразу пошел к блиндажам и увидел старую зияющую чернотой яму возле входа. Точно, это был тот самый блиндаж, в котором я, копая наугад, откопал фарфоровый корпус зажигалки с клеймом «D.R.G.M.» Значит, у соседнего блиндажа Стас в свое время откопал немецкую пряжку!

Я позвал Стаса, и мы вместе стали ходить. Так и было: это место нам знакомо, и именно здесь мы ночевали почти ровно два года назад. В том походе мы нашли пулеметный станок, немецкую канистру и пряжку вермахта. Тогда нам пришлось уйти, поскольку мы истратили к этому моменту всю питьевую воду. И вот теперь мы совершенно случайно оказались в этом же месте. Теперь нам ничего не мешало задержаться тут и обыскать каждый клочок земли. Достав карту, я определил, что это место находится на небольшом удалении от реки Добреи, и теперь мы можем нанести его на карту. Стас уже раскладывал металлоискатель и готовился к работе. Имея собственный прибор, он больше не выпрашивал у меня Tesoro, он мог копать где угодно и что угодно. Я последовал его примеру, и в течение следующего часа мы ходили в радиусе двадцати метров от этого блиндажа, каждый по своей логике. Но, как известно, повторить успех в том же месте практически невозможно. Но Стас, однажды найдя пряжку у блиндажа, с тех пор стал маниакально исследовать все прилежащие к ним поверхности, словно он открыл секрет правильного результативного копания. Мы находили остатки старых консервных банок, фрагменты тубиков и упаковки от сыра – традиционные для этих места предметы. Через час такой работы оказалось, что больше нам тут делать нечего. Тогда мы зажгли костер на старом месте, пообедали, отдохнули и пошли дальше.

Мы ходили и искали другие позиции в лесу. В самом деле, ну не могли же быть эти два блиндажа в глухом лесу единственными?

Так мы проходили довольно долго, пока не наткнулись на несколько рядов блиндажей. Под ногами валялись давно выкопанные и брошенные диски от пулемета ДП, укупорки от снарядов, укладки для немецких гранат, гильзы от гаубиц. Такое большое количество верхового железа свидетельствовало о том, что мы уже подбираемся к Долине Славы.

– Отлично, тут есть хлам, – обрадованно заявил Стас, – значит, можно что-то найти. Помнишь, как я в Шоптово на выбитом месте нашел жетон и лампу Люфтваффе?

Он подмигнул мне и скрылся в кустах, чтобы, следуя Сашиной тактике, искать там, где труднее всего искать. Я же сделал паузу, а потом стал из любопытства перебирать сложенные под деревом железки. Металл тут, конечно, очень плохо сохраняется. Чем ближе к земле, тем трухлявее железо. Многие предметы буквально рассыпались в руках, и мне очень не хотелось найти что-нибудь очень интересное в подобном сохране. Это значило бы, что все наше занятие обнаружило свою бессмысленность: забирать с собой из леса трухлявые предметы у нас уже стало моветоном.

Незаметно для себя мы подобрались к опушке леса, за которой было поле. На том месте раньше была деревня Васильки, погибшая в войну. Почти два года находилась она на линии фронта...

Мы повернули назад. Пока мы шли по опушке, всюду нам встречались куски копаного железа, всякие железные ящики, куски от магазин для ДП-27, фрагменты советских касок. Это за многие годы поисков люди накидали сюда все, что не стали забирать из раскопов. Мы даже не пробовали что-то искать у находящихся на опушке блиндажей: скорее всего, их давным-давно уже обчистили.

Мы со Стасом шли в сторону реки Добреи по азимуту, не полагаясь на память. Примерно в середине леса мы наткнулись на очередные ямы. Они были расположены в густом лесу, подлесок скрывал их со всех сторон. Даже с расстояния трех метров уже было непонятно, что находится вокруг. Мы достали металлоискатели и приступили к изучению тех мест в зарослях, куда можно было пробраться. В одном неприметном блиндаже я сразу наткнулся на сильный и четкий сигнал. Он был прямо в бруствере блиндажа, и, как уже знал по опыту, в нем может лежать что-то хорошее. Я забил шурф, грунт был влажный, глиняный. Но глина была коричнево-красного цвета – такая земля не обещает отличный сохранившийся. На втором штыке послышался приятный звук трения крепкого металла лопаты о солидный металл в яме.

Я позвал Стаса, чтобы он был свидетелем происходящего и получил некоторое удовольствие от созерцания процесса. В его присутствии я очистил верхнюю часть предмета от глины, и мы увидели лобовую часть немецкой каски с характерным козырьком. После короткой паузы, вызванной замешательством, я вспомнил, что у меня с собой есть видеокамера! Я достал ее из рюкзака, передал Стасу и попросил его снимать все, что будет происходить в дальнейшем.

Краем лопаты я поддел за козырек каски, и она не без труда постепенно освободилась из глиняного плена. Подцепил ее рукой и достал из ямы.

Перед нами была настоящая немецкая каска м35, с целым алюминиевым обручем подшлемника внутри. Я соскоблил лопатой глину с ее купола, и мы увидели, что она совершенно целая, без каких-либо повреждений. Отличная находка! Неужели количество походов в Некрасово наконец-то стало превращаться в качество?

Я отложил ее на бруствер и стал дальше водить катушкой металлоискателя над ямой. Там еще что-то было!

Стас продолжал снимать, я снова взялся за лопату и еще через полштыка выкопал совершенно ржавую, напрочь прогнившую немецкую яйцевидную гранату М-39 с синим пластиковым колпачком. Больше в этом блиндаже никаких сигналов не было. Я передал эстафету копания в блиндаже Стасу, а сам отошел от ямы и стал чистить каску подручными средствами. Она была очень крепкая, и я решил в дальнейшем отреставрировать ее. Убрав находку в рюкзак, я вернулся к яме. Стас уже потерял к ней интерес, но его энтузиазм возрос многократно после того, что он видел своими глазами. Он начал как сумасшедший бегать вокруг и просвечивать все блиндажи вдоль и поперек, надеясь повторить мой успех.

Терять время в бездействии не имело смысла, и я тоже начал бегать по лесу. Но нам тут больше ничего не попало, всякие копанные детали из недавних раскопов не в счет. Оказалось, что и тут побывали коллеги-конкуренты, и лишь каким-то чудом они не наткнулись на этот блиндаж с каской. Мне просто повезло, и я рад был этой удаче.

Пообедав на небольшой полянке, мы решили идти дальше к Добрее, в сторону стоянки. Через полкилометра мы заметили наши старые места. Это был гансовский блиндажный город практически на берегу Добреи, на котором мы успели много раз оттоптаться в самых разных составах. Казалось, что все мои знакомые копатели побывали тут как минимум по одному разу. Что нам было делать со Стасом? Других позиций в лесу поблизости нет, по крайней мере, мы тут больше ничего не нашли. Не придумав ничего лучшего, мы решили походить здесь наудачу. Стас надеялся на катушку своего мощного прибора и поэтому выбрал для изысканий заросшую свежей травой полянку. Я же пошел к еловым посадкам. Там были несколько блиндажей, с которых мы в свое время и начинали копать это место.

Повинуясь скорее привычке, приобретенной в Шоптово, чем желанию что-то откопать в этом поповом месте, я прошелся снова вокруг блиндажа, пиная верховые, выкопанные

нами же ранее консервные банки и хвостовики от мин. Проверил, наверное, в сотый раз, площадку перед входом, а потом сделал два шага вправо и отодвинул ногой старое бревно. На том месте, где оно лежало, вдруг металлоискатель подал сильный сигнал на режиме «Все металлы». Я удивился и подумал, что это какая-то банка осталась тут в дерне, и смахнул его лопатой. Но нет, сверху на земле ничего не было. Тогда я воткнул лопату в землю и тут же наткнулся на твердый предмет. Слегка потыкав лезвием, я понял, что он продолговатой формы. Это мог быть большой осколок от снаряда, какие мы очень часто находили почти везде. Я присел на корточки и лопатой снял всю землю, чтобы обнажить металл: если это осколок, то и копать тут дальше нет смысла. Но это был не осколок, в земле четко угадывалась ручка от немецкого штыка для 98к! Я смахнул всю землю с нее, так и есть – это ручка от штыка с кнопкой и бакелитовыми накладками. Слегка потянул ее на себя, но не тут-то было! Предмет крепко сидел в земле, и тут я решил, что этот штык может быть брошен прямо в ножнах, которые и держатся за землю и корни.

Я позвал Стаса и попросил его снова поснимать. Он тут же пришел, взял в руки видеокамеру, а я приступил к полному обкапыванию предмета со всех сторон. Примерно на линии гарды над штыком рос толстый корень, за который он и цеплялся. Когда дело было сделано, я крепко взялся за рукоятку штыка и потянул на себя. Из земли сначала показалась гарда, а затем и лезвие – без ножен. При первом взгляде штык выглядел просто классно! Фигурная рукоятка, темно-коричневые бакелитовые накладки, гарда и длинное лезвие – это была вторая моя прекрасная находка за день.

Стас громкой восхищался штыком, хвалил меня и находку, но за этим показным благодушием скрывалась легкая зависть и отчаяние. Промолчать он не мог, тогда бы это можно было счесть как презрение или ничем не прикрытую ревность. Поэтому он поздравил меня с находкой, отдал мне видеокамеру, а сам с удвоенной скоростью помчался к тому месту, где оставил свою лопату и металлоискатель. Я же принялся сбивать со штыка землю, и вскоре оказалось, что его лезвие довольно сильно проржавело и по кромке почти полностью «ушло». Гарда была ржавая, с глубокими кавернами. Но, несмотря на его состояние, которое сходу можно было оценить на что-то среднее между «двойкой» и «тройкой», под гардой на лезвии сохранился маленький островок вороненого металла, на котором виднелись остатки клейма фирмы-производителя. По-настоящему целыми у штыка выглядели бакелитовые накладки, они никак не пострадали от времени. Я убрал находку в рюкзак и стал разжигать костер, чтобы попить чай в честь такого хорошего дня.

Стас еще немного походил по полянке, но, видимо, устав копать сущий хлам, пришел к костру, и мы вместе выпили крепкого чая. Подводя итог дня, мы сошлись на том, что в этот раз мы покрасили белое пятно на карте наших путешествий.

– Находки тут есть, но мы выгребаем последнее. – говорил я Стасу, – а сохран тут такой, что жалко становится, – пытался я подсластить ему пилюлю. Глядя на выражение его лица, когда он сосредоточенно смотрел на костер, я читал его мысли. Там было горькое сожаление о том, что он, Стас, предложил поехать в Некрасово, для этого взял машину у отчима и привез нас сюда на место, сделав все, а в результате плодами его усилий воспользовался другой, то есть я.

Я же, как никто другой, знал про Стаса, что он сам очень любит «упасть на хвост» кому-либо и в общей суматохе словить удачу буквально «на халяву». Но сегодня просто был не его день, а мне эти находки дались большим количеством пустых выездов в эти места. Я с благодарностью принял от леса эти подарки, полагая, что этот момент и есть начало триумфального

получения прекрасных трофеев от того занятия, которому я посвящаю абсолютно все свое свободное время.

На следующий день мы сходили в лес к колодцу, Стас снова бегал со своим металлоискателем вокруг полянки, где ранее он нашел медальон, а после него Саша надел немецкую каску и карабин, но никаких ударных находок ни ему, ни мне больше сделать не удалось. Мы вернулись в лагерь пораньше и выехали в Москву еще засветло. И снова столкнулись с пробками на трассе, которые начались уже в районе Дорохово. В город мы вернулись уже затемно, и Стас высадил меня у метро «Кутузовская», а сам поехал по Третьему кольцу домой.

Я же, переступив порог квартиры, скинул рюкзак, сходил в душ и принялся чистить находки. Уже после первоначального мытья стало ясно, что и штык, и каска находятся примерно в одинаковом состоянии. У шлема проявились дырки от ржавчины, которые нужно было заделывать. Я оставил эти находки сушиться на газете в коридоре, а сам пошел спать.

Аэродром Питомник

Все оставшееся лето я занимался ремонтом в квартире. Новая проводка, оштукатуривание стен, циклевка паркета и покрытие пола лаком в три слоя – все приходилось делать самому. В августе маме уже надоел этот затянувшийся беспредел с перестановкой мебели и строительной пылью. Она уехала на три недели в подмосковный пансионат, а мне предстояло к ее возвращению доделать все. Как бы я ни старался, в этот срок полностью уложиться не удалось. И тогда я еще первые десять дней в сентябре батрачил в квартире.

Еще до ремонта я начал задумываться о том, чтобы устроить большую поездку в Волгоградскую область – «в Сталинград». Когда я заходил на сталинградский форум в Интернете, то спокойно смотреть на находки местных копарей было просто невозможно. Я несколько раз звонил Саше, агитировал его за поездку туда на машине. Но он каждый раз отказывался, ссылаясь на технические проблемы с машиной: то подвеску надо чинить, то в моторе что-то сломалось, то кузов необходимо заваривать-переваривать. Наконец, я понял что он просто не хочет ехать так далеко от дома на этой машине, не будучи уверен в том, что она не развалится где-то посреди степи. Тогда я стал предлагать Стасу и Сереге поехать туда своим ходом. Что характерно, Стас в принципе был готов отправиться за приключениями в Волгоградскую область, но до самого последнего момента он ожидал, что Саша согласится поехать на машине. Тогда Стас бы с радостью «упал на хвост», то есть присоединился бы к поездке. Но как только стало окончательно ясно, что ехать придется не на машине, а в степях придется передвигаться только пешком, то Стас моментально отказался. Но истинную причину отказа он прикрывал различными отговорками.

– Я не могу понять, как можно копать на открытой местности? Вот в лесу – совсем другое дело: ты спрятаешься в деревьях, поставил палатку и сидишь там. А вот как в степи ходить с металлоискателем, там же все как на ладони? – заявлял он с очень умным видом, изображая из себя мудрого и осторожного копателя.

Как я ни пытался объяснить ему, что степи представляют собой не ровную площадку, а весьма пересеченную местность, он отказывался это понимать. И мои рассказы о длинных и глубоких балках в степях, где можно спрятать целый дирижабль, не имели никакого эффекта. Он просто не хотел отправляться копать пешком, вот и вся причина.

В один прекрасный момент мне этот цирк надоел, я позвонил Сереге и сообщил, что на Стаса можно не рассчитывать. Серега посмеялся и сообщил, что готов поехать в Волгоградскую область даже вдвоем.

Способов добраться из Москвы до Волгограда существовало много. Если не ехать на машине, то самый близкий к этому вариант – поездка на автобусе. Поездку на поезде мы не рассматривали с самого начала, потому что тогда пришлось бы еще придумывать, как добраться с железнодорожного вокзала в Волгограде до тех самых мест в степи. Это мне показалось весьма сложным и трудно предсказуемым занятием. Гораздо проще было сесть в автобус и попросить водителя остановиться где-нибудь на трассе недалеко от интересных мест. Я точно знал по опыту возвращения из Беларуси, что поездка на автобусе имеет ряд недостатков, например, неудобные сидения, тряску в дороге, невозможность принять пищу с комфортом и так далее. Но, вместе с тем, именно автобус, ехавший по стандартному маршруту из Москвы в Волгоград, двигался по трассе М6 «Каспий» как раз по местам боев...

Я предложил Сереге такой вариант, на что он согласился и сказал, что во всем мне доверяет. Это означало, что заниматься организацией поездки от начала и до конца придется только мне.

Я выбрал момент, когда в моем квартирном ремонте образовалась пауза, и поехал к Павелецкому вокзалу. Там была стихийно образовавшаяся стоянка автобусов, выезжавших из Москвы и приезжавших в Москву по междугородным маршрутам. Никакой официальной автобусной станции перед вокзалом не было, просто на ближайших к зданию вокзала улицах стояли большие междугородные автобусы, на которых были прилеплены таблички с указаниями городов назначения. Возле автобусов сновали предприимчивые люди, которые негромким голосом предлагали уехать в тот или иной город «недорого». У этих людей я разузнал все о расписании отправок автобусов в Волгоград, все оказалось очень просто: цена билета 600 рублей, отправление в 16:00 каждый день, остановки для похода в туалет и «поразмять ноги» будут каждые 3 часа, поездка будет длиться 15 часов.

Там же в районе станции метро «Павелецкая-кольцевая» я увидел вывеску магазина «Камуфляж и снаряжение», зашел туда из любопытства. Там на прилавке увидел очень интересную фляжку какой-то из иностранных армий, она по конструкции была очень похожа на фляжку вермахта, хотя и была сделана из современных материалов. По состоянию она была совершенно новая и стоила всего 120 рублей. Продавец рассказал мне, что это фляжка армии ГДР. Вспоминая свой последний поход и ночевку в Белоруссии, когда у меня внезапно закончилась питьевая вода, а также держа в уме грядущую поездку в жаркую Волгоградскую область, я купил эту фляжку и поехал домой.

В июле я решил сделать себе подарок на день рождения и на почти что все имевшиеся у меня в тот момент сбережения купил любительскую видеокамеру Panasonic NV-GS500, которая на тот момент была топовой моделью в своем классе и была признана лучшей любительской видеокамерой 2006 года. За видеокамеру и очень качественную сумку-переноску я заплатил тогда 28000 рублей, что тогда на 11000 рублей было больше средней зарплаты в Москве. Я успел летом слетать в Екатеринбург по заданию редакции одного из журналов, чтобы посетить Ирбитское мотор-шоу и написать статью о нем. Там же я впервые снимал этой видеокамерой и понял, что снимать видео и монтировать фильмы мне нравится почти так же, как и копание.

В первых числах сентября я уже почти доделал ремонт, мне оставалось только смонтировать фурнитуру для шкафа-купе и собрать полки, установить двери на полозья. На эту работу у меня ушло два дня, и, когда все было сделано, я позвонил Сереге и сообщил, что готов ехать.

Серега взял отпуск на 10 дней, и мы решили выезжать вечером в понедельник 11 сентября. Я был очень рад тому, что могу сменить обстановку и отдохнуть от штукатурных и малярных работ. Этот затянувшийся «небольшой» ремонт меня очень сильно вымотал, и предстоящее хождение по степям с рюкзаком за спиной я рассматривал исключительно как активный отдых.

В 16:00 автобус отправился от Павелецкого вокзала в сторону Волгограда, мы с Серегой заняли места в середине салона и стали морально готовиться к испытаниям в степи и к отличным находкам. Время в пути шло очень медленно, водитель автобуса выдерживал скорость на трассе в пределах 60—80 километров в час. Я рассказывал Сереге все, о чем читал на сталинградских форумах копателей, о сталинградском «котле» и том удивительном сохроне, который там встречается почти везде.

Мы ехали и мечтали найти множество немецких наград, касок, штыков и других интересных предметов. Собираясь в поход, я предупредил Серегу, чтобы он взял с собой как можно больше консервов и круп, запасся емкостями для воды и, самое главное, не забыл захватить с собой GPS-навигатор. Хоть у меня и была очень хорошая карта-двухкилометровка, но подстраховаться было бы нелишним. Серега все мои просьбы выполнил, а также взял с собой маленький фотоаппарат, чтобы запечатлеть наше путешествие во всех подробностях. Для этих же целей я взял свою новую наикрутейшую видеокамеру. В будущем я хотел все-таки организовать большую экспедицию в Волгоградскую область, и мне нужны были наглядные аргументы для Саши и Стаса.

Я старался поспать в автобусе вечером и первую половину ночи, так как нам нужно было не пропустить место высадки. Я заранее уточнил у водителя, сможет ли он высадить нас за Самофаловкой, на что получил положительный ответ с ремаркой, что Самофаловку будем проезжать ранним утром, буквально на рассвете.

Будильник на мобильном телефоне разбудил меня в 4 часа утра, я стряхнул с себя сон и стал смотреть в окно, чтобы понять, где же мы сейчас едем. Оказалось, что мы уже рядом с Волгоградской областью, по названию населенных пунктов я стал отслеживать наше перемещение по трассе. Примерно через час я разбудил Серегу и посоветовал ему быть начеку. Затем я провел экспресс-анализ на карте и выбрал точку, где нам надо высаживаться – это место перед развязкой дорог за Самофаловкой, рядом справа по карте в качестве ориентира был поселок Новая Надежда. Я пошел к водителю и обо всем с ним договорился.

Солнце первыми лучами только начало пробиваться через степь, пейзажи за окном из серо-сиреневых стали превращаться в серо-желтые. В очередной раз водитель сделал остановку по требованию в поселке Иловля, и, пока несколько пассажиров выгружали вещи из автобуса на остановку, через открытую дверь в автобус заползла прохлада. В салоне к утру стало душно и холодно. Я старался терпеть эти лишения и с надеждой смотрел на выжженную траву за окном, которая явно свидетельствовала о том, что днем здесь обычно очень жарко. Предрассветная мгла медленно уступала место утру. Где-то вдали виднелись пологие холмы с белыми вершинами – это были меловые горы.

Я следил за дорожными указателями и то и дело поглядывал на водителя. Наконец, мы подъехали к развилке дорог, и водитель открыл двери для нас. Мы с огромными рюкзаками протиснулись через узкий проход между креслами и ступили по ступенькам вниз из салона автобуса в неизвестность.

Под ногами был местами разбитый асфальт, обочина дороги, где мы оказались, представляла собой толстый слой песка и пыли. Двери автобуса закрылись, мотор чихнул, и автобус укатил вдаль. Мы остались стоять одни на обочине, я предложил Сереге пройти вперед до развязки и там уже сойти с дороги в поле, где сделать первый отдых и наметить маршрут.

Мы шли по пыльной обочине, все вокруг было необычным. Первые впечатления от Волгоградской области: южные деревья, сухая трава, редкие посадки вдоль границ полей, смесь свежего чистого воздуха с мелкой пылью, ветер и яркое солнце.

Когда мы отошли от трассы на полкилометра и уже двигались по обычной грунтовой дороге, внезапно далеко впереди послышался грохот моторов, за низкими деревьями посадок показалась пыль, поднимаемая тяжелой техникой. Гул приближался к нам. Мы решили остановиться и посмотреть, что же это такое.

Из-за посадок с грохотом выехала огромная самоходная установка! Лязгая гусеницами, она повернула налево и поехала мимо нас. За ней показалась еще одна, затем еще и еще. Мы сняли рюкзаки, Серега заворуженно смотрел на эти машины, которые мчались по грунтовой дороге с задранными вверх стволами пушек. На башне каждой самоходки сидел танкист в форме и черном шлеме. Откуда они ехали и куда? Мы совершенно не ожидали увидеть военную технику в таких количествах, но продолжали смотреть на это зрелище. Серега достал фотоаппарат, и мы по очереди сфотографировали друг друга на фоне колонны самоходок. Наконец, последней машиной в колонне проехал грузовой КАМАЗ, видимо, со снарядами для пушек.

Мы подождали, пока пыль на дороге гусениц самоходок осядет, и пошли дальше. Впереди был хутор Новая Надежда. Нам предстояло пройти мимо него, пересечь за ним автодорогу между хутором Степной и аэропортом «Гумрак».

Через час после восхода было уже достаточно жарко, сентябрьское солнце тут светило и грело так, как редко оно греет у нас в Подмосковье даже в июле. Мы сразу обратили внимание, что воздух здесь сухой. Буквально за час с небольшим наши с Серегой лица приобрели легкий загар. Идти с рюкзаком было тяжело, но мы упрямо шагали вперед. Когда мы добрались до автодороги, то сделали еще один привал. Серега посмотрел в свой навигатор и выяснил, что мы прошли уже примерно 5 километров. Я показал ему карту и примерное место назначения, оно было за хутором Красный Пахарь. По грубым оценкам, до этого места по прямой было еще около 17 километров.

– Надо, значит надо, – вздохнув, ответил на Серега.

Мы немного передохнули в поле, попили воды и увидели группу людей, которая работала в поле. Я предложил Сереге дойти до них и узнать у них про эти места, поспрашивать о копателях и вообще внаглую выяснить обстановку на местности.

Нас заметили издалека, один мужчина остановился и стал нас рассматривать. Видимо, образ пеших туристов с большими рюкзаками за спиной был тут не очень популярным и редко встречался. Мы свернули с дороги и направились прямо к нему. Поздоровавшись, я начал с простых вопросов: как называется ближайший населенный пункт, где можно набрать воды и сколько нам идти до хутора Красный Пахарь. Мужчина отвечал, что они живут в Новой Надежде, воду можно набрать в канале, прокипятив перед использованием, а до Красного Пахаря пешком по прямой через поля – примерно пять километров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.